

Фонд поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора
«Сибирский земельный конгресс»

Научно-практический журнал

**Вестник
Института развития ноосферы**

2019 № 6 (8)

(27 июня 2019)

Вестник Института развития ноосферы – электронный научно-практический журнал неформального научного содружества, работающего в сфере теории и практики ноосферогенеза: моделирование, формирование и развитие системы планетарного социума на основе разумных и гуманных принципов с учетом повседневной окружающей реальности и геополитической ситуации.

Учредитель: Фонд поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора «Сибирский земельный конгресс»

Редакционная коллегия

Винобер А.В. – главный редактор, руководитель Фонда поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора «Сибирский земельный конгресс»

Степанов С.А. – д.пед.наук, профессор Академии МНЭПУ

Сухорукова С.М. – д.э.н., профессор кафедры экологической и промышленной безопасности Московский технологический университет (Институт тонких химических технологий)

Моложников В.Н. – д.б.н., председатель Байкальского отдела Русского географического общества

Шостка В.И. – канд. физ.-мат. наук, доцент кафедры общей физики Физико-технического института Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского

Бриних В.А. директор Института региональных биологических исследований (Майкоп)

Винобер Е.В. – технический редактор, координатор проекта «Просвещение, образование, издательская деятельность» Фонда поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора «Сибирский земельный конгресс»

Мнение редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи публикуются в авторской редакции. За достоверность информации ответственность несут авторы статей

Адрес редакции: г. Иркутск, ул. Декабрьских Событий, 55

тел. 8914-912-47-11

e-mail: congress@biosphere-sib.ru

www.biosphere-sib.ru

Периодичность выпуска журнала 12 раз в год

Запрос на присвоение ISSN: в ожидании

ОГЛАВЛЕНИЕ

История науки	5
А.В. Винобер. Борис Леонидович Личков – геолог и мыслитель. Выдающийся теоретик науки (к 131-летию со дня рождения)	5
Теория и практика развития ноосферы	11
А.В. Винобер. Прагматизм современного рационализма академика Н.Н. Моисеева	11
К. А. Кузьменко. Проблема суверенитета государств в ноосферной цивилизации: на примере России	17
Социальная философия и философия права	70
М. Н. Кокина. Диалектика отношений рецепторства–донорства в праве, традиционализма – антитрадиционализма в правовых системах стран и проблемы конституционных преобразований в современной России	70
Философия и методология антропологии	107
А.В. Винобер. 12 персон русской философии (вторая галерея): историко-философский трактат	107
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	126

CONTENTS

History of science	5
A.V. Vinober. Boris Leonidovich Lichkov - geologist and thinker. Theorist of science (to the 131 anniversary of the birth).....	5
Theory and practice of development of the noosphere	11
A.V. Vinober. Pragmatism of modern rationalism of academician N.N. Moiseev	11
K.A. Kuzmenko. The problem of the sovereignty of states in the noosphere civilization: the example of Russia	17
Social philosophy and philosophy of law	70
M. N. Kokina. The dialectic of relations of reception – donation in law, traditionalism - anti-traditionalism in the legal systems of countries and the problems of constitutional changes in modern Russia.....	70
Philosophy and methodology of anthropology	107
A.V. Vinober. 12 persons of russian philosophy (second gallery): historical and philosophical tractate.....	107

ИСТОРИЯ НАУКИ

УДК 001 (091)

*А.В. Винобер**Фонд поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора
«Сибирский земельный конгресс», Иркутск, Россия***БОРИС ЛЕОНИДОВИЧ ЛИЧКОВ – ГЕОЛОГ И МЫСЛИТЕЛЬ.
ВЫДАЮЩИЙСЯ ТЕОРЕТИК НАУКИ
(К 131-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)***Статья посвящена яркому и самобытному ученому XX века, геологу и мыслителю
Борису Леонидовичу Личкову.**Ключевые слова: Борис Леонидович Личков, Владимир Иванович Вернадский,
история науки, юбилей.*

Борис Леонидович Личков – яркий и самобытный ученый XX века, действительное значение и научный масштаб которого и по настоящее время является малоосознанным отечественной наукой.

Как отмечали в 1980 году исследователи творчества В.И. Вернадского М.С. Бастракова и В.С. Неополитанская: «К концу жизни Б.Л. Личков подобно В.И. Вернадскому стремится связать общегеологические проблемы с общечеловеческими, размышляет о предназначении человечества, его планетарной и космической сущности. Наследие Бориса Леонидовича Личкова еще не изучено и не систематизировано, что следовало бы сделать, имея в виду глубокий интерес и внимание, которые уделял идеям и мыслям Б.Л. Личкова великий ученый, его близкий друг Владимир Иванович Вернадский». [12, 6, 7]

Один из первых исследователей творчества Б.Л. Личкова Рудольф Константинович Баландин, геолог и историк науки, подготовивший в 1983 году первую биографию Б.Л. Личкова отмечал, что в Архиве АН СССР (ф.1039) [1] в нынешнем Санкт-Петербурге хранится 89 научных рукописей Б.Личкова, из которых, едва ли не третья часть – научные монографии. [2]

Исследователь В.И. Вернадского В.К. Волков отмечал, что Борис Леонидович был единственным в 30-40-х годах корреспондентом В.И.

Вернадского, с кем последний обсуждал естественно-философские проблемы [5, 11, 12].

Борис Леонидович Личков родился 19 (31) июля 1888 года в городе Иркутске. Когда ему было три года – семья переехала на Украину. Обучался в Киевском университете, причем закончил два факультета: геологический и физико-математический.

Первые газетные научно-популярные публикации по географии, демографии, а также рецензии, появились в печати, когда Б.Л. было всего 16 лет (1904).

В возрасте 23 лет – перевел и издал книгу Ф. Сакко «Основные законы земной организации». А через два года появилась первая авторская научная монография «О тригониях», изданная на основе полевых геологических исследований на полуострове Мангышлак (1913). Кстати, книга до сих пор считается классическим научным трудом.

В 1914 году выходит из печати монография Личкова «Границы познания в естественных науках». Очень необычная для ученого-полевика книга, в которой осмысление науки происходит в философско-методологическом, теоретическом плане (автору ведь всего 25 лет!).

В 1918 году Б.Л. Личков близко знакомится с академиком В.И. Вернадским, и принимает активное участие в работе по созданию Украинской академии наук, первым президентом которой был избран В.И. Вернадский.

В 1920-1922 и 1925-1927 гг. – Б.Л. Личков работает директором Украинского геолкома. А с 1927 – по приглашению В.И. Вернадского – ученым секретарем Комиссии естественных производительных сил (КЕПС).

В 1934 году по сфальсифицированному «делу славистов» был арестован и осужден на 10 лет лагерей.

До 1940 года – работал инженером-геологом на строительстве каналов (Мариинская система, канал Москва-Волга). Благодаря письмам Вернадского, получил возможность работать в Средней Азии (в университете

и в научных геологических учреждениях Ташкента и Сталинабада) [5, 11, 12].

Переписка В.И. Вернадского с Б.Л. Личковым продолжалась 27 лет. Оба адресата сохранили почти все письма. Несмотря на разницу в возрасте (Вернадский был старше на 25 лет), обоих ученых связывала тесная дружба и большое взаимопонимание. [3, 4, 5, 11, 12]

Б.Л. Личков – один из первых ученых, кто активно принял идею В.И. Вернадского о ноосфере, и в течение ряда лет обсуждал в переписке с В.И. различные моменты становления и содержания ноосферы. Из письма Личкова Вернадскому от 15.07.1943 из Сталинабада: «... Много неразумного сейчас в развитии антропосферы... и до тех пор, пока разум скрывается за хаосом неразумности – нельзя говорить о господстве ноосферы». [12]

Почти в каждом письме обсуждаются те или иные научные идеи. 5 июня 1943, Сталинабад, Личков излагает идею «волн жизни», впоследствии выросшую в монографию «Волны жизни и развитие органического мира на Земле» (1963, до сих пор в рукописи): «В фазы оледенений на Земле вымирания не было, а были огромные миграции живых существ. В эпохи пенеппенизации гор с большим размахом творчество новых органических форм» [12].

Чуть позднее Б.Л. Личков делится с В.И. Вернадским своей радостью по поводу очень важного для Личкова события (в котором Вернадский принимал самое деятельное участие). Личков-Вернадскому (Исфара) 20 августа 1943 г.: «... Вчера из Сталинабада от зоолога А.А. Штакельберга я получил телеграмму следующего содержания: «Шлем сердечный привет. Поздравляем с присуждением степени доктора без защиты диссертации. Штакельберг». Глазам своим не верил? Неужели это правда? Неужели после всех невезений и неудач и на моей улице, наконец, праздник. Я бесконечно рад, но не смею верить. Слишком это непривычно хорошо и радостно. Но ведь не может Штакельберг, человек очень ко мне расположенный, меня мистифицировать? Вам я бесконечно благодарен за Ваши энергичные и

неуклонные хлопоты в этом важном для меня деле. Может быть, без вашей помощи оно и не пришло к этому исходу. Теперь я знаю, что передо мной, наконец, широкая дорога» [12].

Действительно, можно понять радость ученого, получившего необходимую не только для карьеры, но и для нормального выживания в научном мире, желанную докторскую степень, которой он был достоин чуть ли не тридцать лет тому назад (если бы не Первая мировая война, затем революции и гражданская война, а позднее – лагеря).

Б.Л. Личков один из первых биографов В.И. Вернадского. Биография Вернадского была подготовлена Личковым в течение трех лет после смерти В.И. Вернадского, и вышла отдельной монографией в 1948 году.

После смерти В.И. Вернадского, Б.Л. Личков немало потрудился для популяризации идеи Вернадского о ноосфере. И в частности, подготовил монографию, где развивал идеи о ноосфере, которая также до настоящего времени не опубликована.

Вышедшая в 1931 году книга Б.Л. Личкова «Движения материков...» [8] сразу же стала, выражаясь современным языком, бестселлером, и в ближайшие годы переиздавалась дважды. Выражая свое субъективное мнение, скажем так – книга до сих пор читается с удовольствием и будоражит мысли не только специалистов, но и любителей геологических знаний – настолько ясным, четким и образным языком написана эта книга. Как, впрочем, и две другие монографии, изданные позднее: «Природные воды Земли и литосфера» (1960) и «К основам современной теории Земли» (1965) [9, 10].

Как отмечает писатель и историк науки Р.К. Баландин: «Б.Л. Личков замечательно умел открывать новые проблемы, синтезировать знания, почерпнутые из разных книг, производить отдаленную гибридизацию идей... Постоянная смена объектов исследования и проблем, переходы от одних наук к другим – характерная особенность творчества Личкова... Некоторые

его мысли поражают парадоксальностью, сближением и синтезом, на первый взгляд совершенно разных и взаимно несвязанных явлений» [2].

Мы бы сказали, что даже без учета неопубликованных трудов – что составляет несколько тысяч рукописных страниц – Б.Л. Личков – один из самых ярких и самобытных ученых XX века, предельно преданный истине научного познания. Значение работ Личкова недооценивается не только в астрогеологии и планетарной геологии, где он был одним из первых теоретиков, но также в других отраслях геологического и географического знания.

Но прежде всего, хотелось бы надеяться, что неизданные рукописные работы Б.Л. Личкова, мирно пылящиеся в Архивах Российской академии наук, однажды будут прочитаны и изданы, и войдут в оборот научного знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анфертьева А.Н. Личков Борис Леонидович (Фонд 1039) // Архив Академии наук СССР. Обзорение архивных материалов Левшин Б.В., Московченко Н.Я. Сер. "Труды Архива" Ленинград, 1986. С. 45-48.
2. Баландин Р.К. Борис Леонидович Личков (1888-1966 гг.). - М.: Наука, 1983. - 157 с.
3. Вернадский В. И. Дневники 1917-1921 (Октябрь 1917 - январь 1920), Киев: Наукова думка, 1994.
4. Вернадский В. И. Дневники 1917-1921 (Январь 1920 - март 1921), Киев: Наукова думка, 1997.
5. Вернадский В.И. Дневники. 1935-1941 в 2 кн. / Сост. Волков В.П. - М.: Наука. 2005.
6. Винобер А.В. В.И. Вернадский: философ и методолог науки (фрагментарный анализ высказываний о ноосфере). К 155-летию со дня рождения / А.В. Винобер // Коэволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2018. - 2(4). – С. 69-86.
7. Винобер А.В. В.И. Вернадский. Научное наследие. Дневники и письма / А.В. Винобер // Вестник Института развития ноосферы. 2019. - 5 (7). - С. 101-106.
8. Личков Б.Л. Движение материков и климаты прошлого Земли. - Л. Изд-во АН СССР, 1931. - 133 с.
9. Личков Б.Л. Природные воды земли и литосфера. - Л.: АН СССР, 1960. — 164 с.

10. Личков Б.Л. К основам современной теории Земли. - Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1965. - 119 с.
  11. Переписка В.И. Вернадского с Б.Л. Личковым (1918-1939). – М.: Наука, 1979. 270 с.
  12. Переписка В.И. Вернадского с Б.Л. Личковым (1940-1944). – М.: Наука, 1980. 223 с.
-

A.V. Vinober

«Siberia Land Congress» Biosphere and Agriculture Economies Support and Development Fund, Irkutsk, Russia

**BORIS LEONIDOVICH LICHKOV GEOLOGIST AND THINKER.
THEORIST OF SCIENCE (TO THE 131 ANNIVERSARY OF THE BIRTH)**

The article is devoted to the bright and original scientist of the XX century, geologist and thinker Boris Leonidovich Lichkov.

Key words: Boris Leonidovich Lichkov, Vladimir Ivanovich Vernadsky, history of science, anniversary.

Поступила в редакцию 15 мая 2019

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РАЗВИТИЯ НООСФЕРЫ

УДК 101

А.В. Винобер

*Фонд поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора «Сибирский земельный конгресс», Иркутск, Россия***ПРАГМАТИЗМ СОВРЕМЕННОГО РАЦИОНАЛИЗМА
АКАДЕМИКА Н.Н. МОИСЕЕВА**

Учение своё, имеющее истоки в идеях В.И. Вернадского, В.В. Тимофеева-Ресовского, которое академик Н.Н. Моисеев активно пропагандировал в течение последних двух десятилетий XX века, и называл «современным рационализмом», носит, на наш взгляд, ярко прозрачный прагматический характер и обращено ко всем разумно мыслящим людям, независимо от нации и вероисповедания.

Ключевые слова: современный рационализм, академик Моисеев Никита Николаевич, идея ноосферы, планетарное сообщество, техносфера.

Ранее мы отмечали, что актуальность идей (парадигмального характера) Н.Н. Моисеева возрастает с каждым годом. Но они по-прежнему мало востребованы в развитии российского и мирового сообщества. [2]

Собственно, в Российской Федерации не нашла официальной поддержки идея о необходимости создания в стране стратегической системы «Учитель».

Рост российской экономики по-прежнему связан с развитием ресурсных отраслей. Н.Н. Моисеев был убежден в том, что исключительно ресурсная («добывающе-экспортирующая») доминанта является глубокой, и, может быть, трагической ошибкой или «ресурсным проклятием» [6, 7].

Парадигма коэволюционного развития цивилизации с ориентацией на формирование экологического императива, как мы считаем, является глубоко критической и прагматической парадигмой. И мировое сообщество неизбежно будет решать в ближайшие десятилетия: продолжить дальше рост потребления и всемерное развитие техносферы или окончательно выбрать путь коэволюционного биосферосовместимого развития всей земной цивилизации? Однозначно сейчас нельзя прогнозировать – какое будет

решение. Или торжество тотальной технократии или всё таки будет услышан голос коллективного разума.

Ранее мы так же обсуждали сущность прагматического восприятия идеи ноосферы. Прагматическое восприятие, на наш взгляд, заключается в том, что каждый ученый, каждый современно мыслящий человек, должен воспринимать идею ноосферы как модель и прообраз цивилизации будущего, как императив мировоззренческого и деятельностного характера, взывающий к коллективному сотрудничеству и поиску решений и компромиссов в сфере межличностных, межэтнических и межгосударственных отношений. Это - отправная точка и фундамент для коэволюции человека и биосферы, для построения ноосферы, как планетарного организма, состоящего из миллиардов разумных мыслящих интеллектов, объединенных в коллективный Разум планеты. [3]

Предвидя неоднозначные решения в современной политике и экономике, Н.Н. Моисеев объяснял их постоянной склонностью к редукции, к упрощению действительного состояния и развития мира: «человек в силу присущего ему прагматизма стремится к простой, более того, наиболее простой из возможных интерпретаций, не противоречащих практическому опыту. Однако простые интерпретации, согласные (согласованные, sustainable) с присущими ему знаниями об окружающем, не всегда возможны: мир бесконечно сложен, и стремление к постижению его сложности – естественный и извечный процесс развития человеческого общества». [7]

К тому же, надо учитывать те кардинальные изменения в сущности и в условиях современной техногенной цивилизации. «Природа перестает быть фоном или реквизитом истории, а становится её основным участником» [5].

Н.Н. Моисеев обосновано предполагал, что через десяток-другой лет в политическую игру реально вмешается новый фактор – глобальный экологический кризис. По его глубокому убеждению, современный этап

истории виделся как последний всплеск общества потребления и начало агонии собственнической системы ценностей. [7]

В 80-е годы прошлого века, когда противостояние ядерных держав достигло максимума, американские и советские ученые, независимо друг от друга, в результате моделирования процессов планетарных изменений в случае ядерного конфликта, пришли к открытию эффекта «ядерной зимы», который может обусловить массовую гибель людей и всех компонентов живой биосферы Земли. Н.Н. Моисеев, как один из руководителей группы советских ученых, занимавшейся биосферным моделированием последствий ядерного конфликта, пришел к глубокому убеждению о необходимости иного ориентира в развитии человеческой цивилизации. И этот ориентир был обнаружен в 20-30-е годы прошлого века русским советским академиком В.И. Вернадским: сфера разума – или ноосфера.

Выдающийся американский астрофизик и космолог Карл Саган считал, что «именно последствия ядерной зимы почему-то не учитывались гражданскими и военными властями США, СССР, Великобритании, Франции и Китая, когда эти державы накапливали ядерные боеголовки, пока общее количество зарядов серьезно не превысило 60 000. Хотя и нельзя с уверенностью судить о таких вещах, вполне возможно, что концепция ядерной зимы сыграла конструктивную роль (наряду с другими причинами), чтобы убедить ядерные державы, и в особенности СССР, в бесперспективности атомной войны». [8]

В то же время, французский философ Ж. Бодрийяр выразил иную точку зрения на ядерную проблему: «Ядерная напряженность лишь подкрепляет и банализирует систему апотропии (сберегания-предохранения – А.В.). Апотропия исключает возможность войны... В тени этой системы под предлогом серьезнейшей «объективной» угрозы, и благодаря этому ядерному дамокловому мечу, затевается мощнейшая система контроля, которая когда-либо существовала, и постепенная сателлитизация всей планеты с помощью этой гипермодели безопасности» [1].

Нельзя не отдать должное провидческому дару французского философа, создателя современного всепроникающего учения о симулякрах и симуляции, но нельзя согласиться с ним полностью.

Да, тенденция тотального контроля под вывеской ядерной угрозы и опасности террора успешно реализуется в последние 40-50 лет ведущими мировыми ядерными державами, и последствия этого процесса мало кто моделировал (да и моделировал ли вообще?), но этот суперконтроль нисколько не отменяет реальную возможность применения ядерного оружия в том или ином объеме.

Такая опасность вовсе не симулякр. Она существовала изначально и существует поныне. Другое дело, что определенные политики и силовые институты используют (интенсивно эксплуатируют) эту угрозу в качестве эффективного действующего симулякра...

В отношении вышеназванных тенденций, академик Н.Н. Моисеев выражал следующее мнение: «Нужны не слепое подчинение обстоятельствам и констатация фактов, а попытки конструктивного решения возникающих коллизий и трудностей, попытки понять тот общепланетарный порядок, который необходим для продолжения истории цивилизации». [4]

Учение своё, имеющее истоки в идеях В.И. Вернадского, В.В. Тимофеева-Ресовского, которое академик Н.Н. Моисеев активно пропагандировал в течение последних двух десятилетий XX века, и называл «современным рационализмом», носит, на наш взгляд, ярко прозрачный прагматический характер и обращено ко всем разумно мыслящим людям, независимо от нации и вероисповедания.

Квинтэссенция современного рационализма Н.Н. Моисеева звучит (исходя из нашего понимания) следующим образом:

1. Первейшей задачей человечества на современном этапе её истории мне представляется в следующем виде: найти такой способ своего развития, который был бы способен согласовать потребности человечества, его активную деятельность с возможностями биосферы планеты, с

возможностями её дальнейшего развития. Это и есть наиболее общая формулировка императива, поскольку его нарушение грозит человечеству деградацией. [6]

2. Стратегия человечества должна иметь две очень разных компоненты: научно-технологическую и вторую – нравственную и социальную. Я верю в то, что человечество сможет найти разумные программы технического и технологического перевооружения общепланетарной цивилизации. И для этой веры уже есть реальная основа. Я думаю также, что общепланетарный интеллект сможет справиться и с выработкой представления о том, какими могут быть новые состояния равновесия биосферы и общества и сформировать систему ограничений и действий, выполнение которых необходимо для перехода человечества в режим коэволюции с биосферой. [6]

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Пер. с фр. – М.: ПОСТУМ, 2018. – 320 с.
2. Винобер А.В. Никита Николаевич Моисеев – великий русский ученый и мыслитель. К 100-летию со дня рождения / А.В. Винобер // Биосферное хозяйство и устойчивое развитие сельских территорий: Сб. материалов VII международной научно-практической конференции (Иркутск, 28-31 марта – 2017 г.), Иркутск: Оттиск, 2017. - С. 4-7.
3. Винобер А.В. Прагматическое восприятие идеи ноосферы / А.В. Винобер // Вестник Института развития ноосферы. 2018. - 1. - С. 16-22
4. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 351 с.
5. Моисеев Н.Н. Восхождение к разуму – лекции по универсальному эволюционизму и его приложениям. – М.: ИздАТ, 1993. – 192 с.
6. Моисеев Н.Н. Современный рационализм / Н. Н. Моисеев; Рос. науч. гуманитар. фонд, Междунар. независимый экол.-политол. ун-т. — М.: МГВП КОКС, 1995. — 376 с.
7. Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. – М.: Устойчивый мир, 2001. – 200 с.
8. Саган К. Голубая точка. Космическое будущее человечества. Пер. с англ. 3-е изд. – М.: Альпина нон-фикшн, 2018. – 406 с.

A. V. Vinober

«Siberia Land Congress» Biosphere and Agriculture Economies Support and Development Fund, Irkutsk, Russia

**PRAGMATISM OF MODERN RATIONALISM OF
ACADEMICIAN N.N. MOISEEV**

His teaching, having its origins in the ideas of V.I. Vernadsky, V.V. Timofeev-Resovskogo, which Academician N.N. Moiseev actively promoted during the last two decades of the 20th century, and called it “modern rationalism,” wears a brightly transparent pragmatic character and appeals to all reasonably-minded people, regardless of nation or religion.

Keywords: modern rationalism, Nikita Nikolaevich Moiseev, the idea of the noosphere, the planetary community, technosphere.

Поступила в редакцию 25 июня 2019

УДК 008:001:14

К. А. Кузьменко

*Горно-Алтайский государственный университет,
Горно-Алтайск, Россия*

ПРОБЛЕМА СУВЕРЕНИТЕТА ГОСУДАРСТВ В НООСФЕРНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НА ПРИМЕРЕ РОССИИ

В условиях глобализации и формирования социосферы действуют полярные стратегии: 1) глобоцентризм как безгосударственное (без большинства государств) управление социосферой; 2) этацентризм как управление социосферой содружеством патерналичных государств. Исследуется проблема ослабления и возможного последующего разрушения суверенных государств изнутри, с помощью внутренних социально-правовых механизмов в общей стратегии глобоцентризма, т.е. глобального управления социумом без участия большинства государств или в отсутствие государств (при их разрушении). В статье речь идет о государствах с федеративным устройством, в этом отношении наиболее уязвимых, поскольку их внутренняя территория разделена на несколько относительно автономных образований (земель, штатов, республик, областей и т.п.), по границам которых может происходить возможное и реальное расчленение территории федеративной страны. Осуществлен анализ социально-правовых механизмов возможного нарушения общего суверенитета и территориальной целостности федеративного государства с помощью так называемого «права народов (наций) на самоопределение», на примере крупнейшей в мире страны – Российской Федерации.

Ключевые слова: этацентризм-ноосферизм и глобоцентризм, суверенитет стран в условиях глобализации, федеративное государство, территориальная целостность, право народов на самоопределение, опасности самораспада.

Введение.

В условиях глобализации действуют полярные стратегии организации ноосферы: 1) глобоцентризм как глобальное управление транснациональной элиты социосферой, без участия государств; 2) этацентризм как ноосферное управление социосферой с помощью содружества государств, власти которых заботятся о своих народах и о родных землях. В современном обществе стратегия глобоцентризма, поддерживаемая глобальным капиталом, представляет собой стратегию ослабления роли множества государств планеты, как целостных живых сбалансированных социосистем, в глобальных процессах, с дальнейшей деконструкцией таких государств. Это в итоге может приводить к ослаблению ряда стран планеты под воздействием различных социальных сил внешнего и внутреннего характера [3; 5; 7; 13; 31; 32; 46; 54; 67]. Несколько по-разному могут идти процессы ослабления унитарных и федеративных государств. В последних, особым фактором внутреннего ослабления страны становится деконструкция

макросоциосистемы на территориях субъектов федерации страны. Российская Федерация – это крупнейшее в мире федеративное государство. Поэтому для России фактор социальных процессов, деформирующих ее федеральную социальную структуру и федеративные отношения, является наиболее опасным.

Согласно Конституции РФ 1993 года, Российская Федерация состоит из республик (выделяемых по национальному признаку), краев и областей (выделяемых по территориальному признаку), а также включает более мелкие деления – автономную область, автономные округа и города федерального значения. Субъекты Российской Федерации – это территориальные единицы верхнего уровня деления территории в Российской Федерации [28].

Территория страны – не просто место существования населения, но и родовая среда жизни людей, сформировавшаяся в экосистеме на основе исконных традиционных социально-природных отношений, закономерно преобразующихся в процессе социальной эволюции. Опасности утраты части (частей) российской территории, прежде всего, по границам субъектов Федерации внутри России, означают неминуемую утрату организованной жизни значительной части населения, множества (более ста) коренных народов, в том числе системообразующего русского народа, в том или ином распадающемся (или отделяющемся) регионе страны. Поскольку это наиболее сложная проблема неустойчивости современных социумов, в том числе России, мы обратимся лишь к одному ее вопросу. А именно, к проблемам, связанным с принципами национально-территориального деления субъектов РФ и территориальной целостности всего государства. Нашей задачей является философский анализ социально-правовой проблемы отечественного федерализма, связанный с принципом самоопределения народов (наций) и с проблемой сохранения единства территории страны.

**Появление права наций (народов) на самоопределение в России:
исторический экскурс.**

В нашей стране исторически основу национально-территориального деления составили: 1) «право наций на самоопределение», законодательно принятое в первые десятилетия Советской власти [8; 17]; 2) международно-правовые Акты Организации Объединенных Наций, принятые в 1945 году и в последующие годы: статья 1 Устава ООН (1945 г.); «Декларация о представлении независимости колониальным странам и народам», статья 1 (от 14.12.1960 г.); «Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН» (от 24.10.1970 г.) и др. [15; 16; 57]. «Право наций (народов) на самоопределение» зафиксировано в ныне действующей Конституции РФ и в конституционных законах, в частности, в Федеральном законе Российской Федерации «О национально-культурной автономии» от 17.06.1996 г., № 74 ФЗ. В настоящее время Федеративное устройство России отражает ее многонациональный состав, где существуют следующие национально-государственные образования: 21 республика (часть из них – с правом государственности и президентства), автономная область и 10 автономных округов [28; 60].

Особо отметим, что в многонациональной Российской Империи существовало только территориальное деление страны на губернии. Поэтому такая серьезнейшая опасность распада крупнейшего в мире государства по его внутренним национально-территориальным границам не стояла. Данная проблема впервые появилась и была внесена в социальную жизнь Российской Империи лишь после Октябрьской революции, в первой половине XX века в связи с утверждением нового для нашей страны правового принципа – права наций на самоопределение в образовавшемся новом социалистическом государстве – Советской России.

Как пишет известный ученый-историк О.В. Волобуев, революционные события уничтожили многонациональную Российскую Империю. На большей ее части сформировалось союзное государство. Вне границ бывшей территории Российской Империи оказались территории, на которых

возникли новые государства (Финляндия, Польша, Латвия, Литва и Эстония), где советская власть не была утверждена» [8]. 2(15) ноября 1917 г. была опубликована «Декларация прав народов России» [17, с.39-41]. В ней отмечалось, что в буржуазный период российской истории происходило «усиление национальной вражды, подрыв взаимного доверия». Отмечалось, что в Советской России должна в корне измениться национальная политика. Далее в Декларации отмечалось: «Второй съезд Советов в октябре этого года подтвердил это неотъемлемое право народов России более решительно и определенно. Исполняя волю этих съездов, Совет Народных Комиссаров решил положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России следующие начала:

- 1) Равенство и суверенность народов России.
- 2) Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.
- 3) Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.
- 4) Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России» [17, с.41].

В последующем строительстве Советской России как первого в мире социалистического государства: «Тезис о самоопределении стал важнейшим в национальной программе большевиков. В январе 1918 г. III Всероссийский съезд Советов провозгласил создание федеративного государства. 30 декабря 1922 года состоялся I съезд Советов СССР. Его делегаты утвердили Декларацию и Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик. В январе 1924 г. на II Всесоюзном съезде Советов была утверждена Конституция СССР. «Ко времени окончания гражданской войны... территория бывшей Российской империи представляла собой целую мозаику различных национально-государственных образований. Основную часть занимала РСФСР. В ее составе находилось несколько автономий... Статус самостоятельных советских республик имели Белоруссия, Украина и

Закавказская федерация (в нее входили Азербайджан, Армения и Грузия), а также Дальневосточная, Бухарская и Хорезмская республики». На части территории бывшей Российской Империи советская власть в ходе гражданской войны не утвердилась, в результате чего эти территории Империи были Советской властью утрачены. На этой части бывшей территории Имперской России, утраченной большевиками, образовались отдельные самостоятельные государства – Финляндия, Польша, Латвия, Литва и Эстония [8]. Однако далее автор подчеркивает, что «федеративное на словах, государство на деле было унитарным – суверенными правами субъекты союза фактически не обладали» [8].

С.Г. Кара-Мурза и О.В. Куропаткина исследовали процессы и причины, в связи с которыми одним из первых юридических документов советской власти стала «Декларация прав народов России». Авторы отмечают, что в то время, видимо, это было необходимо для объединения и сохранения революционной России. Разумеется, что национальная буржуазия окраин Российской Империи не приняла советскую власть, в связи с чем была очень велика опасность отделения от России ее национальных окраин. Поэтому В.И. Ленин сделал ставку на объединение трудящихся народов центра и окраин России на основе советской власти и цели построения социализма. Он настоял на принятии данного документа, чтобы на всей территории Российской Империи объединить трудящихся и сохранить единое советское государство вопреки мощным буржуазным тенденциям его распада. Исследователи пишут: «Применялся весь набор «сил созидания» советского народа из собравшихся в страну народов, народностей и этнических общностей. Насколько эффективным было это строительство, показал опыт Великой Отечественной войны. Западные специалисты считали, что сплотить за такой короткий срок полторы сотни народов в крепкую самоотверженную нацию невозможно.

Следующая болевая точка – федеративное устройство СССР. Большинство ученых и политиков, говорящих о советской национальной

политике, одной из главных причин кризиса советской государственности в 1980-е гг. считают ошибочное, по их мнению, решение партии большевиков и лично Ленина создавать СССР как федерацию – с огосударствлением народов и народностей бывшей Российской империи... если бы поделили страну на губернии, без всякой национальной окраски, без каких-то «титულных наций» с их правом на самоопределение вплоть до отделения, то и не было бы никаких национальных проблем и никакого сепаратизма» [23, с. 172]. «Предложение учредить Союз из национальных республик, а не Империю (в виде одной республики), нейтрализовало возникший при «обретении независимости» национализм. Армии националистов потеряли поддержку населения; и со стороны Советского государства Гражданская война в ее национальном измерении была пресечена на самой ранней стадии, что предотвратило еще большее кровопролитие в России <...> Факт заключается в том, что большевики в октябре 1917 г. унаследовали национальные движения... ускоренное формирование национальной буржуазии и национальной интеллигенции неминуемо привело бы к мощным политическим движениям, требующим отделения от России и создания национальных государств... Большевики в 1920-е гг. нашли способ обуздать эти движения (а в конце XX в. просоветская часть КПСС такого способа не нашла)» [23, с.173-174].

Если с философских позиций проанализировать целесообразность внедрения в законодательство Советской России, позднее СССР, принципа «права наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств», то здесь, видимо, мы сталкиваемся с концептуальным противоречием. Оно заключается в том, что первое в мире социалистическое государство ставило следующие главные стратегические цели во внутренней и внешней политике. 1. Внутренняя цель: преодоление переходного периода, построение первой фазы коммунизма (социализма) и курс на построение второй окончательной фазы коммунистического общества. 2. Внешняя цель: объединение под руководством

Коммунистического Интернационала трудящихся всех стран мира и на основе этой мировой социально-политической силы Коминтерна построение коммунизма, т.е. общества без эксплуатации во всем мире. Главным революционным лозунгом был: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». В национальном вопросе ведущей стала идея о формировании двух противоположных социально-политических наций – нации эксплуататоров (подлежащих уничтожению в процессе мировой революции) и нации эксплуатируемых (мирового пролетариата, независимо от этнической, национальной принадлежности). Внутри стран на этой социально-политической основе был взят курс на сближение национальностей в единую национально-трудовую общность – многонациональный дружественный трудовой народ. В СССР это была стратегия формирования единого, по сути наднационального, советского народа.

В то же время, внедренный в 20-е годы XX века в право советского государства принцип «права наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств» выполнял принципиально иную роль. Какие бы ни были аргументы в пользу утверждения этого принципа в законодательстве страны, по сути своей он оказался прямо противоположным главному принципу построения коммунизма в отдельно взятой стране и во всем мире – принципу объединения всех трудящихся народов и наций на всех территориях государств и планеты в целом в единую наднациональную общность – мирового пролетариата под руководством Коминтерна. Иными словами, если главные принципы Коминтерна были направлены на всеобщее объединение трудящихся народов, соответственно, и территорий их проживания, то принцип «права наций на самоопределение» выполнял противоположную, разъединяющую роль: 1) наций в государстве; 2) территорий внутри государства, с правом их отделения, т.е. расчленения территории страны, в том числе СССР, некогда единой крупнейшей в мире страны.

На глобальном уровне данный принцип также был противоположен идее построения общества мирового коммунизма. Логически, если коммунизм стремился к интернационализму и объединению наций на всей планете, то принцип самоопределения наций оказывался при этом анти-стратегическим для мировой революции, для Коминтерна – не объединяющим, а разъединяющим разные народы отдельных стран и народы всего мира. Если продолжать такую логику в глобальном масштабе, то получается, что принцип Коммунистического Интернационала должен был объединить между собой все нации, народы и в итоге создать одну единую Наднацию – трудового народа планеты. А принцип прав наций на самоопределение, напротив, раскалывал все население планеты на автономные образования – нации (народы). Из сказанного может возникнуть предположение о том, что данный принцип мог работать только в локальных участках (в отдельных странах) планеты для их дезорганизации, деконструкции.

Если каким-то образом все же можно найти логику оправдания в первые годы советской власти для принятия «Декларации прав народов России» с ее «правом народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства», хотя и с ограничением – отмены «всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений» [17, с.41.], все же несомненно, что впоследствии этот принцип национально-территориального деления СССР сыграл ключевую роль в распаде этой державы.

Глобальные аспекты проблемы суверенитета.

По существу, в настоящее время мы сталкиваемся с теми социальными феноменами, которые в современном социогуманитарном знании получили название двойных стандартов и принципов манипуляции. Смысл их заключается в том, что «на поверхности» социальных событий провозглашается одна идея и цель (в нашем случае – на объединение), а в

глубинных социальных процессах реализуется прямо противоположная идея и цель (на разъединение частей социума и его территорий).

Кроме того, в современном социально-философском знании исследуется проблема целенаправленно создаваемого «управляемого хаоса», которая также вполне может быть применима к обсуждаемому социально-правовому принципу (С. Манн, Н. Кляйн, Д. Перкинс и др.) [5; 26; 32; 46; 67].

Согласно этой идее «управляемого хаоса», необходим распад отдельных стран и территорий, приводящий к социальному хаосу, что затем позволяет искусственно конструировать на этих разрушенных территориях новые социальные конструкты под внешним управлением. Из сказанного можно заключить, что принцип «прав наций (народов) на самоопределение» может играть весьма важную промежуточную роль в процессах глобальной переходности, в локальных точках и областях планеты, когда необходимо разрушить сложные многонациональные государственные целостности с целью построения на их бывших распавшихся территориях новых искусственных социальных образований [63].

При этом просматривается явная аналогия следующих, казалось бы, прямо противоположных процессов. С одной стороны, это стратегия Коминтерна, как стратегия глобального коммунизма, наиболее ярко проявившаяся с середины XIX до середины XX веков по построению мирового государства без национальностей, т.е. Наднационального государства с единой мировой Наднацией промышленно-экономической организации социума, с одной Мировой нацией, в которой есть две главные антагонистические части – Мировой капитал и Мировой пролетариат. Но в процессе Мировой революции одна часть этой Мировой Наднации – Глобальный империалистический капитал должен быть уничтожен, а вторая часть Наднации – Мировой пролетариат – должна прийти в итоге к мировой власти и мировому управлению всем социумом (в современных терминах – социосферой). Итог – Мировое наднациональное управление Наднацией (супранацией) Мирового пролетариата.

С другой стороны, это современная стратегия глобоцентризма, как стратегия глобального элитаризма, которая стала активно развиваться со второй половины XX века и получать практическое идеологическое и конституционное оформление со второго десятилетия XXI века. Согласно глобоцентризму, на планете также должно быть организовано единое Наднациональное Всеобщее Государство Земли (ВГЗ), конституция которого уже принята Международным Конвентом в 2015 году в г. Афины [9; 10]. Здесь также, согласно идеологии Трансуниверсализма должна сформироваться единая Наднация (супрапнация) глобального капитала или глобальной элиты, а также глобальной массы Человечества, т.е. Жителей Земли. Но отличие от коммунистической концепции и стратегии Коминтерна состоит в том, что основу такой Наднации на планете должна составить противоположная часть наднационального (т.е. безнационального) социума – Мировая элита. А другая часть (к которой по первой концепции относился мировой пролетариат, или трудящиеся массы планеты, или жители Земли) должна быть подконтрольной элите, не иметь мировых гражданских прав и очень значительно сокращена (элиминирована) в Глобальном наднациональном элитарно-массовом обществе [2; 10].

Кроме того, для обеих концепций характерен односторонний, сугубо материалистический подход к рассмотрению проблемы, когда за основу всех социальных преобразований берутся материальные (материально-экономические, материально-финансовые факторы), а духовно-идеологические считаются вторичными, производными от первых. В настоящее время такой подход отечественными исследователями, в продолжение русской философской традиции цельного знания (концепция всеединства, монодуализм, русский космизм) оценивается как дуально-парциальный, при котором целостная макросоциосистема расчленяется на две противоположных части, из которых одна противопоставляется другой: материальное первично, а идеальное вторично, или наоборот [59]. При этом нарушается цельность социального организма, в котором утрата одной части

целостности влечет за собой деградацию другой, и наоборот. Поэтому развивается идея о целостном материально-идеальном, или аксиологическом базисе (Р.Ю. Наумов) и существовании антропосоциосистем разного уровня: человека, страны, сообщества стран, социосферы. Парциализм-материализм в оценке социосистем приводит к тому, что в социальной эволюции не учитываются традиционные, национально-культурные, духовно-цивилизационные факторы. Именно в связи со взглядами парциализма-материализма все человечество можно формально свести к безликой супранации (наднации) в которой есть только базисные материально-экономические факторы жизни, а вторичные в процессе социогенеза превращаются в «среднюю температуру по больнице» – некое наднациональное бескультурно-бескорневое существо» [2, с.5].

При дальнейшем социально-философском сравнении напрашивается мысль о том, что, по-видимому, в той и другой стратегии речь идет о Мировом Наднациональном расчлененном элитарно-массовом обществе, в котором народы разных стран должны в процессе такой эволюции исчезнуть. А к управлению должна прийти Наднация, но в разных противоположных вариантах: 1. В стратегии Коминтерна – Это Наднация Масс (Мирового пролетариата) в стратегии глобального коммунизма (как идеологии массы). 2. В стратегии глобоцентризма – это Наднация Элиты (Мировой глобократии-«Аристократии») в стратегии глобального элитаризма (как идеологии элиты). Иными словами, эти стратегии «зеркально отражают» одна другую, как две стороны одной медали. Но в обоих случаях отдельные народы, т.е. национальности, этносы с их национально-культурной и природно-географической спецификой, с достойным существованием на своих родных землях в разных уголках планеты должны исчезнуть. Это логика единства противоположностей одного целого – коммунистического и капиталистического (элитарно-массового) глобоцентризма.

В целом следует подчеркнуть, что эта пара полярных «зеркальных» логик глобоцентризма принципиально противоположна логике и

социосферной стратегии этацентризма. Только этацентризм, в отличие от Мирового коммунизма и Мирового глобализма (как полярных форм мондиализма) имеет стратегию сохранения живого национально-культурного и социоприродно-географического разнообразия социосферы планеты. Как здоровая биосфера обязательно должна иметь биоразнообразие, т.к. моновидовая биосфера нежизнеспособна, так и социосфера должна иметь социокультурное разнообразие, т.к. мононациональная (наднациональная) социосфера нежизнеспособна. Только стратегия ноосферного этацентризма способна выработать научно-обоснованные принципы сохранения народов на их исконных территориях. Но не коррумпированное управление с помощью искусственных «монотитульных» народов на искусственно расчленяемых территориях, а с помощью реального содружества и единства этносов, народов, не распродающих богатства своих земель, а сохраняющих и облагораживающих их в процессе мирного сосуществования.

Иными словами, если оценивать исследуемый вопрос о территориальной целостности России и ее связи с «правом наций на самоопределение» в первые годы Советской власти, то можно сделать вывод о том, что уже в то время в социально-правовой сфере нашей страны применялись двойные манипулятивные стандарты – конструктивно-деконструктивные (которые, возможно, своевременно не были поняты и распознаны).

Если далее продолжать логику подобных стратегий и преобразований, можно предположить, что принцип «права наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств» стал важным социально-правовым фактором, способным на легитимной юридической основе разрушить территорию многонациональной страны изнутри. Этот процесс в стратегии глобоцентризма можно рассматривать как промежуточный (переходный) этап в общей стратегии глобоцентризма: 1 этап – распад национальных государств с помощью «права наций на самоопределение (их территорий)»; 2 этап – построение из останков

территорий этих государств Наднационального государства с единым Мировым управлением, в котором отдельные этносы, народы должны исчезнуть вовсе и подчиниться наднациональному глобальному управлению с идеологией супранации – Трансуниверсализмом.

Проблемы суверенитета в Российской Федерации.

А теперь, после краткого экскурса в историю применения «права наций (народов) на самоопределение вплоть до отделения (территорий)» в нашей стране в первой половине XX века, обратимся к современному состоянию вопроса о «праве наций на самоопределение» в конце XX – начале XXI веков.

В 90-е годы XX века наша страна столкнулась с реализацией той самой «правовой мины замедленного действия», которая была заложена в основу законодательства нашей страны еще в первые годы Советской власти в виде «права наций (народов) на самоопределение», а затем подкреплена международными документами ООН в середине и во второй половине XX века, когда СССР подписал соответствующие международные документы (Устав ООН) [15; 16; 56; 57]. Не стоит забывать, что именно реализация данного правового принципа, якобы на легитимной основе, позволила разрушить крупнейшую державу в мире – Союз Советских Социалистических Республик (СССР) в конце XX века, что по историческим меркам – совсем недавно. Но в настоящее время с учетом мощных сил глобоцентризма-мондиализма подобное «право народов на самоопределение» в законодательстве России вполне может послужить аналогичным социальным «спусковым механизмом» для распада, по сценарию, аналогичному для СССР, теперь и Российской Федерации при отделении от нее определенных национально-территориальных субъектов Федерации.

Также необходимо принять во внимание тот факт, что самостоятельность всех субъектов РФ в настоящее время резко возрастает в связи с формированием как в территориальных, так и в национальных

субъектах федерации собственных правительств, министерств и других политико-правовых органов, которые при определенных условиях очень быстро могут быть преобразованы в органы управления и власти новых самостоятельных «дочерних» государств. Этот процесс может значительно ускоряться по мере обогащения местных «титульных» элит субъектов РФ, в связи с чем нарастает их желание к самостоятельным финансово-экономическим и политико-правовым действиям. В том числе, эти процессы могут идти при поддержке из-за рубежа теми силами, которые заинтересованы в разграблении богатств России и даже в ее расчленении на несамостоятельные мелкие национальные государства.

В создавшихся условиях при федеративном устройстве государства еще более актуализируется необходимость правовой безопасности и охраны основ Конституции страны в связи с тем, что субъекты Федерации имеют свои уставные законы (конституции субъектов федерации), которые не полностью совпадают с Основным законом страны. Текущее (уставное) законодательство субъектов федерации может, как согласовываться, так и не согласовываться с федеральной Конституцией, находясь с ней в диалектических взаимосвязях единства и борьбы противоположностей. Актуальной остается проблема существования динамического равновесия «устойчивости – неустойчивости» центрального управления и регионов страны (в форме субъектов РФ). Это требует постоянного конституционного надзора (в виде конституционной юстиции) за соблюдением паритета конституции страны и уставных законодательств ее федеральных субъектов по ключевым вопросам общественной жизни государства, в нашем случае – в соответствии с принципом права народов (наций) на самоопределение. [33]

В связи с нарастанием конфликтов в глобальном обществе XXI века и с опасностью подрыва территориальной целостности нашего государства изнутри, вновь приобретает актуальность анализ социально-правовых основ и принципов территориального единства России. К обновлению обсуждения проблем в этом направлении, в частности, приглашают видные

отечественные ученые, например, К.В. Калинина, профессор РАНХиГС при Президенте РФ; Е.Л. Рябова, профессор, главный редактор международного издательства «Этносоциум» / «Культура Мира»; С.С. Сулашкин, профессор, директор Центра научной политической мысли и идеологии и др. [22; 64].

Современные дискуссионные вопросы о равноправии и самоопределении народов в России.

В настоящее время актуальные проблемы конституционного права наций (народов) на самоопределение исследуются специалистами разнообразных социогуманитарных наук. На эту тему выполнено значительное диссертационных, монографических и прикладных исследований, проводятся дискуссии как в международном, так и в российском аспектах. Это труды таких отечественных ученых, как: Р. Абдулатипов, С. Авакьян, Ю. Арутюнян, С. Арутюнов, С. Бабурин, В. Багдасарян, Н. Балаян, А. Биишев, Л. Болтенкова, М. Губогло, А. Дашдамиров, М. Джунусов, Л. Дробижева, К. Калинина, В. Лысенко, В. Михайлов, К. Мусаев, Р. Пихоя, Е. Рябова, М. Столяров, С. Сулашкин, И. Султанов, А. Тациян, В. Тишков, Ф. Файзуллин, Д. Хутаба, С. Черниченко, Н.В. Явкин и ряда др. Как отмечено, в дискуссионной статье К.В. Калининой и Е.Л. Рябовой «Право народов на самоопределение: проблемы реализации» [22] отмечается, что приоритетное внимание надо уделять конституционным основам жизни государства, поскольку в них заложены принципы его единства, нерушимости, а двойные смыслы и правовые коллизии по поводу обсуждаемого «права» могут повлечь за собой последствия, связанные с проблемой нарушения целостности государства. Конституционное закрепление в СССР права наций (народов) на самоопределение получило международно-правовое подкрепление в 1977 г., на базе соответствующих документов ООН, без учета того, что данный принцип является инокультурным для нашей страны. Как показывает исторический опыт, он может представлять опасность для судьбы государства. В конце XX века все

убедились в том, что действительно, эта «мина замедленного действия» сработала при распаде СССР.

В настоящее время эта же ситуация существует в конституционной основе Российской Федерации. Уже в Преамбуле Основного закона нашей страны говорится: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации ... *исходя из общепризнанных...* принимаем *Конституцию Российской Федерации*». А в основополагающей статье 5, пункт 3 Конституции написано: «3. Федеративное устройство Российской Федерации основано на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, равноправии и *самоопределении народов в Российской Федерации*» (зададимся резонным вопросом: о каком самоопределении идет речь – о социокультурном или территориальном?).

С.С. Сулашкин справедливо отмечает, что категория «Право народов (наций) на самоопределение» должна быть глубоко исследована с теоретико-методологических позиций, т.к. этот термин очень индикативный в отношении смысловой сложности построения. «Очень сложная конструкция, демонстрирующая классические проблемы смыслообразования и смыслораспознавания, и, наконец, смыслостроительства». Участвующий в дискуссии В.Э. Багдасарян подчеркивает: «Известна коллизия между правом народов (наций) на самоопределение и принципом территориальной целостности, поскольку эти принципы могут противоречить и часто противоречат и сталкиваются друг с другом. И возникает вопрос, а из какого принципа надо исходить в той или иной ситуации: из права народа на самоопределение или из принципа территориальной целостности? И каждый раз это вопрос интерпретационный» [64]. В результате ключевые для судьбы государства решения могут приниматься произвольно, с возможными принципиально противоположными результатами: или сохранить целостность страны, или ее уничтожить. Именно поэтому в сложившихся

условиях приобретает особую актуальность правовая, в том числе, конституционная безопасность по вопросам сохранения территориальной целостности нашей страны.

В данном аспекте важной исследовательской задачей является социально-философский критический анализ соотношения права народов на самоопределение и принципа территориальной целостности страны в условиях противоборства социосферных стратегий глобоцентризма и этацентризма.

Мы вполне согласны с учеными, что исследуемая проблема обладает высокой сложностью и дискуссионностью не только в логико-юридическом плане, но и в праксиологическом аспекте, а также в социально-правовом, общесоциальном и социально-философском аспектах. В определенной мере, наши дальнейшие рассуждения можно считать формой участия в данной дискуссии.

Считаем, что проблема требует специального социально-философского анализа по основным векторам познания, которые можно объединить в несколько нижеследующих групп (пунктов) рассмотрения проблемы.

1. Фантом одного «титульного» хозяина национальной территории и относительность приоритета укорененности того или иного народа, точнее, группы народов, на определенной территории.

2. Вопрос о «титульном» праве одного лишь народа на владение определенной «национально-субъектной» территории РФ, как основа национально-правового конфликтогенеза.

3. Народность, нация и проблема определения реального вклада определенного народа в обустройство и развитие «субъектной» территории и вытекающего из этого права народа на созданные социальные ценности.

4. Обсуждение противоречий международного и российского права о мононациональном и многонациональном государстве и об адекватном праве народов в таких государствах.

5. Выявление теоретико-методологических оснований софистики и социально-правовой манипуляции в праве народов на самоопределение.

Рассмотрим наши аргументы по исследуемому вопросу по каждому пункту в отдельности.

1. Фантом одного «титульного» хозяина национальной территории и относительность приоритета укорененности того или иного народа, точнее, группы народов, на определенной территории.

Следует обратить внимание на особый феномен – фантом одного «титульного» хозяина национальной территории, закрепленного только за одним народом. С социально-философских и эволюционно-культурных позиций, такое утверждение не является верным, поскольку одни и те же территории в разное историческое время обживали многие народы. Это связано со следующим: 1. Множество народов в разное историческое время многократно перемещалось по территориям разных континентов планеты. Люди разных этносов своеобразно осваивали ландшафты территорий, исходя из особенностей своих культур, поэтому периодически разные народы могли считать одни и те же территории своими, родными. 2. На больших по площади территориях разные этносы, народы одновременно осваивали более благоприятные для них ландшафты такой территории, исходя из особенностей своей хозяйственной деятельности, находясь во взаимодействии между собой. Поэтому на одной и той же территории, как правило, сосуществуют разные народы, этносы. 3. Сами этносы, народы также изменялись, соседствуя, объединяясь и разъединяясь в процессе социокультурной эволюции. Появлялись новые родственные связи, а старые порой прерывались. Значительная часть таких социокультурных и национально-культурных взаимодействий осталась не проясненной до сих пор. 4. Исходя из указанных этно-эволюционных и эволюционно-культурных процессов, определить четко только одного «титульного» хозяина территории с научных позиций практически невозможно.

Поэтому вполне естественно, что на одну и ту же территорию сегодня могут предъявить права, как правило, не один этнос – «хозяин», а одновременно несколько этносов, народов, т.е. одновременно более одного «титulyного» народа-«хозяина». Даже оценивая недавнее историческое прошлое, можно сказать следующее. Сегодня может оказаться один «титulyный» народ-«хозяин». Вчера им мог быть другой, а позавчера – третий. Точнее, даже в одно и то же время могут выделяться не один а несколько народов-«хозяев» территории (например, на ее разных ландшафтах, которые осваивают народы с разными типами хозяйствования). Но тогда вряд ли можно с точностью определить истинного и непререкаемого, единственного «хозяина» определенной территории. Как же тогда определить настоящего хозяина? Ведь не будем же мы следовать примеру колонизации белыми территорий Северной Америки, когда коренные жители просто изгонялись со своих родных территорий «новыми хозяевами» или уничтожались вовсе.

Но главное состоит в следующем. Если только один народ на определенной обширной территории назначается «титulyным», то сразу же все остальные проживающие здесь коренные народы автоматически становятся ущемленными, неравноправными на своих родных землях. Это неминуемо влечет за собой, с одной стороны, нарастание этносоциального эгоцентризма, или этноэгоцентризма «титulyного» (назначенного «титulyным») народа, а также естественное недовольство всей остальной многонациональной «нетитulyной» части населения на национальной территории субъекта РФ.

А далее, в погоне за обоснованиями прав на владение «спорными» территориями внутри стран (исходя из софистического «права наций на самоопределение – и на территории!!!»), о чем пойдет речь в пункте 5 предлагаемых аргументов) многие новоявленные «ученые-этнологи» и им подобные, прямо на наших глазах, создают разнообразные этнополитические мифы о великой древности, самостийности тех или иных этносов, народов.

Тем самым, обосновываются якобы «непререкаемые» права этноса или народа на владение и захват этих спорных частей из общей территории определенной страны.

Например, на наших глазах, благодаря «научной» этнополитической мифологии в Украине выросли из небытия «великие укры», отстраненные в своей великой истории от русов, белорусов и других славянских народов. Но как мы видим, данное этнополитическое мифотворчество никак не помогло «великим украм» решить важнейшие проблемы достойного обеспечения народно-хозяйственной жизни современного гражданского населения Украины. Фактически в результате множества выстроенных подобных этнополитических мифов территории проживания народов Украины беднеют, пустеют. Тяжелые конфликты разрушают нормальную социальную жизнь гражданского населения. Молодежь не видит здесь своего достойного будущего. Вспомним еще один исторически совсем недавний пример: как, за счет манипуляций сознанием населения на этнокультурной почве, прокатились кровавые межнациональные конфликты на Кавказе по территориям бывших республик Советского Союза, в том числе и России. И нигде при этом не улучшилась реальная жизнь населения. А со временем народам приходилось залечивать кровавые раны войны.

Выстроенные на псевдо-юридическом обосновании, эти якобы реальные социальные механизмы самодифференциации населения по национальному признаку в корне противоречат конституционным принципам равноправия граждан и народов России на всей территории страны.

Таким образом, возникает целый ряд опасностей для сохранения существующего конституционного строя государства – в качестве разворачивания особых деструктивных социальных механизмов замедленного действия за счет манипулятивных процессов на этнонациональной почве в отношении «титульного» и всех остальных

«нетитульных» народов на отдельных национальных территориях субъектов РФ.

Под красивыми лозунгами единения народа на определенной национально-республиканской территории РФ фактически исчезает реальное единство многонационального народа. Вместо этого нарастают национальное недовольство, национальная рознь из-за нарастающей несправедливости по отношению к большинству народов России. Вызревают национальная вражда и межнациональные конфликты, что крайне опасно для социальной стабильности, территориальной целостности и национальной безопасности всей страны.

Особо подчеркнем, что развитие социокультурной идентичности любого коренного народа России вполне возможно в любой точке, на любой территории России путем развития центров национально-культурного творчества (в сфере национального образования, традиционного искусства, промыслов, верований и пр.). Также желательно расширение центров национально-культурного творчества разных национальностей. Необходимо постоянное взаимодействие таких центров с целью налаживания сотрудничества, взаимопонимания и развития взаимного уважения разных этносов, народов и культур нашей страны.

2. Вопрос о «титульном» праве одного лишь народа на владение определенной «национально-субъектной» территории РФ, как основа национально-правового конфликтогенеза.

Когда встает вопрос о выборе лишь одного «титульного» народа для управления определенной территорией субъекта Федерации, по сути, как указывалось, закладывается «идеолого-правовая мина» под территориальную целостность страны. Идут глубинные очень опасные деконструктивные процессы в федеративном государстве РФ.

Они приводят к тому, что на локальную национальную территорию субъекта РФ начинают все более стягиваться представители данного «титульного» народа из других регионов для собственного самоусиления и

получения наибольшего социального благоприятствования – в получении льгот в общественной жизни, преимуществ в социальном управлении, трудоустройстве и пр. Напротив, представители других народов вытесняются с «мононациональной» (в отношении прав народов) территории, особенно; с ее лучших частей; с более престижных рабочих мест; с более высоких уровней социального управления. Они по возможности уезжают с тех территорий, где они испытывают дискриминацию. Как результат: нарастает национально-территориальная дифференциация населения за счет воздействия юридической реальности «права народов на (территориальное) самоопределение» и закрепления «фантома одного национального хозяина территории» принципом «верховенства закона». Происходит национальное перераспределение состава национальных республик и автономий в пользу «титульного» народа. Часто эти процессы идут при поддержках из-за рубежа – финансовых, концептуальных, организационных, информационных и др. [7].

Фактически закладывается неравноправие «титульного» и «нетитульных» народов – только потому, что «титульному» индугировано (передано) право на автономию на данной территории. Самое важное – не только на национально-культурную автономию, но и на социально-правовое, социально-экономическое управление территорией.

Для более глубокого понимания вопроса рассмотрим такой национально-территориальный субъект РФ, как Саха (Якутия). Общая площадь территории России на 2018 год составляет 17 125 191 км² (17, 1 млн. кв. км). А площадь такого национально-территориального субъекта РФ как Республика Саха (Якутия) – 3 083 523 км² (3,1 млн. кв. км), что составляет 18,1% от общей территории нашей страны. «Республика Саха́ (Якутия) (якут. Саха Өрөспүүбүлүкэтэ, Саха Сирэ) – субъект Российской Федерации, республика в её составе, крупнейший по территории субъект Российской Федерации. Кроме того, Якутия – самая большая административно-территориальная единица в мире. По размеру территории Якутия

превосходит Аргентину – восьмое государство в мире по площади» [12; 28, ст.5; 29; 43; 52].

В то же время, население Якутии составляет менее 1 млн. человек. Приведем сравнительные данные по населению в РФ на 2010 год. Население России: 146,78 млн.чел. – 100%; Саха-Якутия: 0,97 млн. чел. – 0,66% от всей численности населения россиян) [52]. Из них якуты (по данным переписи населения на 2010 год) составляют 49,9%, русские – 37,8%, эвенки и украинцы по 2,2%, эвены – 1,6%, татары – 0,9%, и еще меньший процент у других, нескольких десятков народов, проживающих на данной территории.

Если теперь сравнить общую площадь Республики Саха (Якутия) – 18% от общей территории Российской Федерации, население Саха (Якутии) – менее 1 млн. чел. (что составляет 0,66 % от всего населения России, от 146,8 млн. человек), то получаем следующие парадоксальные цифры. На 18% территории России «титальный народ» (якуты), который составляет 0,33% от населения всей России, диктует свои права всем остальным народам России, в том числе русскому народу, которые в совокупности составляют представительство от 99,67 населения Российской Федерации. Иными словами, на 1/5 территории нашей страны все народы России, за исключением одного (якутов в количестве 0,3% от всего населения страны) не пользуются своими конституционными правами, которые подавляются всего одним (более чем из ста) «титальным» народом. Вряд ли в какой-то еще стране мира можно найти такое вопиющее нарушение прав народов России в связи с созданными юридическими прецедентами на нашей территории. И это делается на базе, так называемого, «права народов на (территориальное) самоопределение». Но в случае реализации такого «права на территориальное самоопределение» национального Субъекта Российской Федерации окажется, что по воле 0,3% населения России «титального» народа якутов – наша страна потеряет 18% своей общей территории с исключительными природными богатствами. Это могло бы показаться фантастикой, если бы не было нашей печальной современной реальностью.

В Республике РФ Саха-Якутия «титულным» народом-нацией стали якуты, а остальные народы, в т.ч. другие северные народы, множество народов из других регионов России, приехавшие для научно-технического развития огромного сибирского региона России, а также системообразующий русский народ – превратились здесь в народы второстепенные, подчиненные, дискриминированные по сравнению с «титулными» якутами. Неужели это можно считать справедливостью, о которой нам постоянно кричат местные и западные «правозащитники» народов России? В результате такой псевдо-справедливой «национальной политики» на больших территориальных пространствах России фактически управляют «титулные» народы, где каждый один «титулный» – на своей национальной территории дискриминирует все остальные (более сотни) народы нашей страны.

Обращаясь к цифрам, укажем, что в настоящее время национальные субъекты Российской Федерации, из 17,1 млн. кв. км территории нашей страны занимают более 41% всей территории. Это означает, что право на решение судьбы отделения или существование в единстве таких территорий РФ может быть осуществлено лишь при согласии на это не менее 41% населения России, т.е. при согласии не менее, чем 60,2 млн. человек населения России. Это более чем в 60 раз превосходит все население Саха (Якутии) и в 120 раз превосходит численность «титулного» народа, однако последний, в случае экстренной критической ситуации может принять решение об отделении данной национальной территории от Российской Федерации. И не секрет, что именно такие «титулные» субъектно-национальные территории могут оказаться точками и очагами разрушения Российской Федерации изнутри, представляя, возможно, самую высокую угрозу для национальной безопасности России.

В итоге из начальных противоположностей бытия «титулного» и «нетитулных» народов, нарастающего непонимания народов на этнонационально-территориальной основе, впоследствии возникают «слабые звенья» федерализма, со временем способные закономерно перейти в

открытый сепаратизм с окрепшими корнями на определенных территориях некогда единой страны. Это далее имеет опасности непредсказуемых последствий по направлению разрушительного вектора социальных изменений. Но зададимся вопросом: для чего и для кого нужны распады национальных государств, особенно крупных федеративных в глобализирующемся мире? Исследования показывают, что, прежде всего, они необходимы в стратегии глобоцентризма глобальной наднациональной элите для эффективного управления массами Человечества на разных территориях планеты [10]. Это позволяет ослабить и разрушить национальные государства, их границы и затем беспрепятственно пользоваться их любыми ценными ресурсами – георесурсами биоресурсами, человеческими, социальными, техническими ресурсами и т.д.

3. Народность, нация и проблема определения реального вклада определенного народа в обустройство и развитие «субъектной» территории и вытекающего из этого права народа на созданные социальные ценности.

Как известно, человечество в своей эволюции проходило несколько сменяющихся периодов хозяйственно-бытовой, культурно-хозяйственной и индустриально-хозяйственной деятельности. Это периоды: 1) общинно-родоплеменного хозяйства; 2) преобладания аграрного производства и уклада жизни на пространствах целых стран преимущественно феодального типа; 3) развития индустриально-хозяйственной жизни в буржуазных странах и промышленного производства за счет научно-технического прогресса в странах современного мира. Третий период промышленно-технологического производства и торгово-финансовых отношений получает преимущественное развитие с Нового времени, с XVII–XVIII веков и получает наибольшее распространение в XX и в начале XXI века. В нем выделяют смену шести основных технико-технологических укладов, или короче, технологических укладов. Это: 1-й уклад, где основа – текстильная промышленность; 2-й уклад, основа – паровой двигатель в станках, транспорте; 3-й уклад –

электродвигатели, активное использование стали; 4-й уклад – преобладание двигателей внутреннего сгорания и нефтехимии; 5-й уклад – развитие микроэлектроники, компьютеризация производства; 6-й уклад – информационно-технологический этап развития глобальных информационных систем и искусственного интеллекта. 4-5 технологический уклады развиваются в XX веке, а 5-6 знаменуют начало XXI века [6; 14]. 4-5 технологический уклады развиваются в XX веке, а 5-6 знаменуют начало XXI века.

Для нас важно, что в современном мире преобладает индустриально-хозяйственный период развития человечества в виде его наиболее высоких технологических укладов. Для каждого периода развития хозяйства человечества характерны свои соотношения этнических, национальных и общих хозяйственных отношений. Этнология в первую очередь изучает становление и развитие этносов, национальностей, народов. А социальная философия исследует сопряженные закономерности развития этногенеза и социогенеза, прежде всего, во взаимодействии хозяйственной деятельности человечества (периоды общинного хозяйства, аграрного хозяйства и индустриального хозяйства) и этногенеза.

Согласно выводам социальной философии, период аграрно-хозяйственной деятельности человечества небольшие в количественном отношении этносы и народы укрупнялись, из них формировались такие этнические, культурно-генетические сообщества людей как национальности. В социальный период аграрного хозяйства в странах, на основе живущих относительно стабильно на своих территориях этносов и народов, стали формироваться этносоциальные аграрно-хозяйственные общности людей – *народности* [27, с. 123].

Аграрный тип хозяйствования с особенностями животноводства, земледелия, обмена продуктами хозяйства опирался на традиционные основы жизни людей, на их этнокультурные, национально-культурные основы существования. Народности отдельных стран составлял, как правило, не

один, а несколько крупных этносов, народов, проживающих в разных природно-географических и национально-культурных условиях своего быта. Вполне понятно и значимо, чтобы для истории культур народов, а также для их самоидентификации в сложном современном социуме, эти национальные корни и культуры были сохранены для современных поколений и их потомков.

Это очень важно, поскольку любая народная культура, как малочисленного, так и многочисленного народа, имеет право на сохранение и свое продолжение. Поэтому необходимо культурное самоопределение народов в условиях начала XXI века, как их современная самоидентификация. Для этого на территории Российской Федерации, где проживает более ста коренных малочисленных и многочисленных народов, следует расширять национально-культурное просвещение всех народов, организацию разных национально-культурных центров, а также творческого взаимодействия национальных культур и их национально-культурных центров, особенно в местах компактного проживания соседствующих народов.

Но в третий из указанных периодов развития человечества – его индустриально-хозяйственной жизни и тем более, в условиях современных технологических укладов (четвертого – шестого) сформировалась новая этносоциальная индустриально-хозяйственная общность людей, или индустриально-национальная общность. Это *нация*. Данному вопросу посвящено большое количество социально-философских исследований: (авторы) [19; 30; 39; 47; 54; 66]. Нароботан большой научный материал. Мы обратимся лишь к основным полученным результатам в отношении понятия нации, которые необходимы для нашего исследования [36; 53]. Так, по данному вопросу в энциклопедических изданиях даются следующие определения.

Нация – 1) в теории права – историческая общность людей, складывающаяся в процессе формирования общности их территории,

экономических связей, языка, некоторых особенностей культуры и характера, которые составляют ее признаки. В некоторых случаях синонимом Н. является понятие «народ»; 2) в конституционном праве англо- и романоязычных стран – термин, обычно имеющий значения «государство», «общество», «совокупность всех граждан» [4].

«Нация: а) согражданство, консолидированная совокупность граждан одного государства, обладающая – при сохранении этнического, религиозного и расового разнообразия – общностью языка, общностью культуры с присущей ей самостоятельной системой ценностей, общностью самосознания, включающего в себя чувство общей исторической судьбы, сознание своей самостоятельной субъектности в геополитическом пространстве нового времени. Для размежевания с другими значениями этого термина употребляется также в виде формулы "гражданская" или "политическая" нация; б) в отечественной научной традиции – связанная с этапом становления буржуазного общества ступень в историческом развитии этноса как этнической общности, складывающейся и воспроизводящей себя на основе общности территории, экономических связей, языка, особенностей культуры, психического склада, этнического (национального) самосознания...» [49].

Иными словами, нация – это не этнокультурная (этнологическая), а этносоциальная (социально-философская) категория. Она связана с современным индустриально-хозяйственным укладом жизни человечества, опирающимся на научно-технический прогресс, информационно-компьютерные технологии. Именно нация обеспечивает современную общесоциальную эволюцию как отдельных стран, так и социосферы в целом.

Поэтому в нашем веке основу общественной жизни составляет этносоциальное объединение людей на основе *нации* как индустриально-технологической общности, а не *народности* как аграрно-хозяйственной национально-культурной общности. Иными словами, в основе организационно-хозяйственной и связанной с ней политико-правовой жизни

лежит этносоциальная индустриально-технологическая общность – нация. Данная этносоциальная общность является первичной и в территориально-правовой организации социума, охваченного научно-техническими преобразованиями, определяет самоидентификацию его территорий. Что касается народностей и объединения народов на основе традиционной национально-культурной общности, то на территории страны они имеют полное право на социокультурную идентификацию, но не имеющую, однако, правовой основы на владение народно-хозяйственными комплексами территорий страны, созданными ее нацией.

На основе изложенного можно утверждать, что в современном обществе объединение людей на основе нации как этносоциальной индустриально-технологической общности становится преобладающим, ведущим именно в социально-экономической и связанной с ней политико-правовой сферах. Поэтому разделение социально-экономических территорий с соответствующим политико-правовым оформлением, где сформировались нации, по более архаичному узко национальному признаку, является не развивающим, а деградирующим фактором общесоциальной жизни.

В национальном подходе – социально-справедливой организации социума общий приоритет отдается тем социальным субъектам, группам, слоям и силам, которые вносят наибольший вклад в развитие населенного пункта, муниципалитета, определенной территории внутри страны.

Именно поэтому в федеративных государствах со значительными территориями, разными укладами жизни населения, но с преобладанием индустриального развития, уже с XIX века стало практиковаться внутреннее деление страны на территориальные автономии, как это было, например, в Имперской России (территории – губернии), в США (территории – штаты). Такое деление не являлось и не является разрушительным, обеспечивает баланс управления на разных территориях страны-федерации, а также общую консолидацию территорий и развитие страны.

Далее для нас важен следующий факт. По международным стандартам, страна является мононациональной, если народ одной национальности составляет в ней более 70% от общей численности населения [48]. Также безусловным фактом является и то, что в Российской Федерации более 70% от общей численности населения составляет русский народ. Это значит, что страна Российская Федерация по международным стандартам является мононациональной. Следовательно, и нация в России по международным стандартам также является мононациональной – русской. Это значит, что именно русский народ не как этнос, но как социально-экономическая, а следовательно этносоциальная и право-политическая нация, вносит главный вклад в социально-экономическое и духовно-интеллектуальное развитие страны. Русский народ в силу своего несомненного количественного преобладания составляет основу *русской нации* (включающей также и другие народы страны в качестве составных частей целого). Недаром за рубежом россиян всех национальностей называют русскими – как большую нацию России.

Далее, если продолжить рассмотрение вопроса на уже исследуемом ранее примере с национальной республикой Саха (Якутия), то получаем следующие результаты. Вполне возможно определить, сколько якутов, а сколько представителей других народов и национальностей создавали производственный потенциал территории, включающий разные стороны освоения Саха (Якутии). Это: топография и картографирование территории; оценка биосферных ресурсов территории; оценка залежей полезных ископаемых; разработка и добыча полезных ископаемых; использование и восстановление биоресурсов; формирование макро-инфраструктуры территории – строительство и развитие населенных пунктов, автомобильных и железных дорог, водных и воздушных путей сообщения, линий электропередачи и пр.; формирование социально-культурного потенциала территории – образовательных учреждений, системы здравоохранения, учреждений культуры и т.д. При ближайшем рассмотрении становится ясно,

что основной вклад внес в освоение и развитие данной территории за многие годы ее освоения русский народ в сообществе с другими народами России, в том числе, якутами (которые, однако, занимают очень незначительную роль в этих процессах). Соответственно, основное право на распоряжение созданными социальными ценностями, ставшими при этом доступными человечеству ресурсами на той или иной территории страны должен иметь народ-созидатель, составляющий основу русской нации как современной этносоциальной основы в Российской Федерации, а не искусственно назначенный формальным, далеким от социальной реальности, «правом народов на самоопределение» – «титულный» народ.

Таким образом, если оценить, сколько представителей разных народов трудились при создании материально-технического и духовно-культурного потенциала территории того или иного национально-территориального образования, в том числе системообразующего русского народа, а из них – процент «титульного» народа, то результат окажется далеко не в пользу «титульного» народа. Следовательно, в таком случае встает наиболее серьезный и правомерный вопрос о законности реального (а не формального) права «титульного» народа приоритетно владеть, пользоваться и распоряжаться не только национально-культурной территорией, но и всем ее, созданным единой нацией, материально-техническим и духовно-культурным богатством (русским народом совокупно с большинством народов страны). Говоря юридическим языком, это воровство национальных богатств страны одним «титулным» народом на определенной «титульной» территории у всего созидательно трудящегося населения данной страны, созданного напряженным трудом не одного, а нескольких поколений русской нации.

Следовательно, по реальному вкладу правом владения территорией и общим природно-хозяйственным потенциалом территории имеет не «титулный» официально назначенный народ, а русская нация как многонациональный народ Российской Федерации, более 70% которого составляет русский народ.

4. Обсуждение противоречий международного и российского права о мононациональном и многонациональном государстве и об адекватном праве народов в таких государствах.

В сложившейся парадоксальной социально-правовой ситуации о самоопределении и о преимуществах «титულных» народов на отдельных территориях, оказывается, что именно самый многочисленный русский народ становится наиболее ущемленным в своих исконных правах. Но подвергается притеснению не единственно русский народ, а наряду со всеми остальными, несколькими десятками, коренных народов нашей страны, которые вдруг «в одночасье» утратили свои права по отношению к одному-единственному «титулному» народу на той или иной «титулно-национальной» территории в целом на землях, составляющих 41% территории России (как отмечалось ранее, это 21 республика, часть из которых с правом государственности и президентства, автономная область и 10 автономных округов [60]). А сформировавшиеся на данных территориях национальные элиты, по праву республиканских и др. администраций «титулного» народа получают фактически незаконное право обладания природными и социальными богатствами территорий субъектов Федерации на национально-территориальных площадях в национальных субъектах РФ, что составляет около 8 млн. кв. км из 17 млн. кв. км общей площади Российской Федерации.

В связи с изложенным, в современном российском государстве мы имеем парадоксальную ситуацию. При национально-территориальном делении территорий РФ не по современному этносоциально-индустриальному, а по исторически прошлому национально-культурному признаку, именно русский народ как системообразующая нация на территориях национальных субъектов РФ оказывается в наиболее бесправном положении в отношении «титулного» народа вчерашнего дня эволюции, в соответствии с принципом права «титулных» народов на самоопределение (территорий).

Таким образом, по международным принципам количественного преобладания в стране, русский народ оказывается мононациональным, ведущим, по социально-экономическим основаниям – он есть нация как этносоциальная индустриально-технологическая общность. Однако в сложившейся формально-юридической ситуации в России, именно российский народ и русская нация оказываются дискриминированными, второстепенными и ущемленными на более чем 40% территории национально-территориальных образований России.

Получив в свои руки большие богатства, местные «титовские» элиты стремятся удержать любыми способами свое преимущество и богатство, в результате чего они могут идти на сговор со всеми поддерживающими их силами, в том числе, с силами глобоцентризма и глобального капитала, стремящимися как можно скорее разрушить территорию РФ и утилизировать ее богатства.

5. Выявление теоретико-методологических оснований софистики и социально-правовой манипуляции в праве народов на самоопределение.

В конце наших рассуждений обратимся к наиболее сложной части обсуждения вопроса – теоретико-методологической. Для этого сошлемся на мнение исследователей, которые специально изучали научно-философские направления, которые позволяют исследовать социогуманитарную интеллектуальную продукцию, в том числе, правовые знания на предмет их цельности, истинности или, напротив, парциальности и манипулятивности. Это работы таких исследователей, как Н.Н. Алексеев, А.П. Альбов, С.А. Ан, Ю.М. Горский, А.А. Грицанов Г.В. Дербан, А.В. Иванов, Б.Н. Кагиров, О.В. Катаева, И.В. Киреевский, А.С. Лаппо-Данилевский, В.В. Мантатов, Д.В. Масленников, Н.Н. Моисеев, Н.В. Наливайко, Р.Ю. Наумов, А.С. Панарин, Х.П. Пашаев, О.С. Разумовский, П.В. Ушаков, Е.В. Ушакова, И.В. Фотиева, М.Ю. Шишин и др. [1; 18; 20; 21; 24; 25; 35; 37; 40; 41; 44; 45; 50; 51; 58; 59; 61; 62]. Так, С.А. Ан, Б.Н. Кагиров, Р.Ю. Наумов и др. авторы отмечают: «В интеллектуальных сферах современного общества все более

распространяются разные виды информации с неясными, искаженными, неверными, извращенными до неузнаваемости и даже разрушительными смыслами, обычными становятся информационные фейки (ложь, преднамеренно вбрасываемая в информационно-интеллектуальное пространство). Это создает серьезную проблему, связанную с разработкой культуры различения того, что в интеллектуальной продукции социума является необходимым, достоверным, созидающим, а что, напротив, манипулятивным, ложным, разрушающим» [2, с.5].

Поэтому сама философия должна быть проанализирована с позиции сущностного критического метода, или критической философии, имеющей традицию, идущую еще от Сократа, И. Канта, Г. Гегеля. «Критический метод позволяет выявлять полезные и вредные свойства рассматриваемого объекта для условно поставленной цели или процесса, а также прогнозировать развитие взаимодействия исследуемого объекта и связанных с ним процессов и явлений» [38].

То есть, ряд современных исследователей обосновал, что необходим современный критический оптимологический анализ философии и тех философских оснований, которые могут активно воздействовать на интеллектуальные сферы общества, на интеллектуальную продукцию, в т.ч. в сфере права и правовых отношений. В результате такого критического анализа в русле культуры различения был получен следующий вывод, с которым мы можем согласиться. Так, П.В. Ушаков и Е.В. Ушакова отмечают: «В философских учениях, по их общему целеполаганию, можно выделить два основных полярных направления (типа) философских знаний и учений. Это:

1. Философия цельности, гармонии, со-развития, совершенства (как оптимальная философия);
2. Философия обмана, деконструкции, конфликтов, распада, смерти (как неоптимальная, или дезоптимальная философия)» [59, с.35].

Впоследствии другими авторами второй тип – неоптимальной философии был обозначен как *философский деконструктивизм*. К нему были отнесены «два основных философских направления и лежащих в их основе учения [2]. Далее нами приводится отрывок текста данной статьи, на с. 45-46.

1. Во-первых, это *софистика*, имевшая широкое распространение еще в античном рабовладельческом мире, особенно при подготовке политиков, способных искусно управлять мнением толпы и даже искушенных граждан. *Софистика*, как идея и метод, и *софицизм*, как направление целенаправленного создания, изменяющих сознание и интеллектуальный продукт, ложных логических схем, построений, широко распространяется в настоящее время. Иными словами, софистику можно рассматривать как ложное манипулятивное учение, а софицизм как логико-деформирующее направление деятельности в ментальных сферах бытия. Главные приемы софицизма – манипулятивное изменение тезисов и логических оснований в логических схемах рассуждений, в том числе, при построении разнообразных социальных концепций. В результате выводы оказываются внешне правдоподобными, а фактически ложными; или же появляются принципиально неразрешимые задачи (апории, классическим примером которых могут служить апории Зенона).

2. Во-вторых, это современная новая философия конца XX века – *постмодерн*. На ее основе сформировалось философско-теоретическое и прикладное направление *постмодернизма*. То есть, постмодерн можно рассматривать как деконструктивное учение, а *постмодернизм* как деконструирующее, демонтирующее направление деятельности. Его основное содержание составляют следующие идеи и установки деятельности: 1) игровая философия, не ответственная за последствия проводимых игр (характерная для более раннего, предшествующего направления – философского модерна), 2) философия симулякров (привлекательных

подделок идей и вещей), а также 3) философия деконструкции человека, социосистем.

В целом, совокупность подобного рода лживых, манипулятивных, деконструктивно-разрушительных методов воздействий на интеллектуальную продукцию, или философский деконструктивизм, применяя правовой язык, можно охарактеризовать как интеллектуальное мошенничество в разных видах. Такие виды интеллектуально-концептуального мошенничества засоряют, извращают и разрушают здоровые основы интеллектуального продукта <...> 1. В первом направлении – софицизма – основу составляют *ментальные инверсии*. Они более сильные, они ставят интеллект в познавательный тупик и заставляют действовать в ложном направлении... 2. Во втором направлении – постмодернизма – главными являются *ментальные симулякры* (подделки и схроны искаженных смыслов)» [2, с.45-46].

Мы считаем вполне правомерными данные умозаключения. Поэтому, основываясь на них, продолжим рассмотрение нашего вопроса – логических оснований «права народа(ов) на самоопределение» как важной части современной конституционно-правовой реальности, связанной с проблемой суверенитета и территориальной целостности страны. Для нас наиболее важными в этом отношении являются софистика, софицизм из первого направления философского деконструктивизма, поскольку в правовых нормах и статьях могут присутствовать именно эти формы манипуляции правовым сознанием. Вспомним, что софизмы, апории – это неразрешимые противоречия, в любом случае ведущие к разрыву последовательности мыслей, знаний, а на практике – к конфликтным ситуациям. Природу софизмов составляет преднамеренное создание не разрешаемого логического противоречия, апорий.

В предыдущих четырех пунктах мы исследовали сомнительность такой юридической нормы, как «право народов на самоопределение» с онтологических позиций (на предмет наличия несоответствий в

исторической и современной социальной реальности), а также в социально-философском аспекте. В данном пункте исследуем данную юридическую норму с позиций формальной логики на предмет возможного присутствия в ней софизма, выяснения логической правомерности ее оснований.

Как известно, юриспруденция при разработке юридических норм, статей и законов во многом опирается на формальную, а не на диалектическую логику, в ряде случаев использует не онтологию правовой реальности в ее преобразованиях, а формально-логическую гносеологию.

Также нельзя забывать, что начиная с античности, манипулятивная юриспруденция, связанная с запросами власти и социального управления, очень эффективно использовала некоторые философские построения и ухищрения, в том числе философские софизмы. Она создавала выгодные для политиков и власти логические и юридические конструкции (соответствующие юридические нормы, принципы права), которые помогали законникам и политикам манипулятивно (с помощью незаметного социального обмана) и очень продуктивно управлять массами населения.

Чтобы глубже разобраться в этом вопросе, обратимся к гносеологическому и праксиологическому анализу юридической нормы «право народов на самоопределение» с позиций разных логик ее рассмотрения.

Во-первых, рассмотрим, каким образом может разрешаться данное право при разных подходах к нему: 1) формально-логическом, 2) диалектическом подходе.

1. Формально-логический подход предусматривает рассмотрение вопроса по взаимоисключающему принципу «или – или», т.е., или тезис (Т) – или Анти-тезис (А-Т).

В этом случае могут быть следующие решения: или Т: наличие права народа на самоопределение (СО) – или А-Т: отсутствие права народа на самоопределение (СО), т.е. бесправие народа в его самоопределении. Короче: Т: право народа на СО – А-Т: бесправие народа на СО.

В одном случае (Т), это реализация прав народа на СО, в другом (А-Т) – бесправие народа, или нарушение его прав на СО. Во втором случае (А-Т) к решению данного вопроса, согласно установленной формально-логической юридической норме, могут подключаться правозащитники или правозащитные организации, которые будут всемерно помогать народу на реализацию его «законных», т.е. согласно данной юридической норме закона, прав. Могут разгораться целые процессы на юридической основе или же широкие, порой конфликтные обсуждения в СМИ, или на собраниях людей, которые в итоге могут принудить компетентные органы решить юридически вопрос не как А-Т (бесправие), а как Т – в виде реализации права народа на СО в результате осуществленной «справедливой борьбы». В итоге получаем: первый вариант решения вопроса (Т) не вызывает противоречий, а второй вариант (А-Т) вызывает противоречивую ситуацию в юридическом, информационном, общесоциальном и социально-правовом полях общественных отношений.

2. Если же этот самый юридический вопрос правовой нормы рассмотреть с позиций диалектической логики по принципу «как то, так и другое» с отысканием диалектических переходов между противоположностями, сама постановка взаимодействия Т и А-Т оказывается иной. А именно, мы получаем следующее отношение. Т: наличие права народа на самоопределение (СО) – А-Т: отсутствие права народа на самоопределение (СО), или бесправие народа на его самоопределение. Ответ может быть следующий: нельзя абсолютизировать право народа на самоопределение по принципу «или – или», поскольку реально на одной и той же территории сосуществуют разные народы. Поэтому право на СО может быть лишь относительным, относительно аналогичных прав других коренных народов, проживающих (соседствующих) на одной и той же территории единой страны. Можно полагать, что ответ при указанной диалектической постановке вопроса будет звучать примерно следующим образом. Т: право одного народа на СО относительное, наряду с

аналогичным правом других народов страны (в том числе, на отдельной территории). А-Т: отсутствие абсолютного права одного народа на СО, т.к. оно должно сочетаться с аналогичным правом других народов на СО.

В указанных противоположных формах утверждения, как право, так и бесправие – относительное. В Т оно устраняет этноэгоцентризм «титulyного» народа (требующий одновременного бесправия остальных коренных народов). А в А-Т – не уничтожаются права «титulyного» народа на СО по отношению к другим коренным народам (которые также не должны становиться этноэгоцентриками), поскольку оно может и должно существовать наряду с аналогичными правами других народов, в принципе, на любой территории, в любом населенном пункте нашей огромной страны, в т.ч., на национальной территории субъекта РФ.

Как видим, если в оценке юридической нормы «права народов на самоопределение» перейти от ее формально-логического обоснования к диалектическому, то даже при наличии такой юридической нормы, могут быть сняты возможные формально-логические противоречия, опасные и разрушительные в социально-правовом и социально-политическом плане.

А теперь вновь вернемся к рассмотрению юридической нормы «право народа на самоопределение» в ее формально-логическом воплощении, несущем в себе конфликтогенный потенциал.

Выше мы определили, что уже первая постановка вопроса в виде взаимоисключающих Т и А-Т создает конфликтную ситуацию. Причем, при более детальном рассмотрении вопроса, при сравнении формальной (абстрактной) формы данной юридической нормы с конкретной социально-правовой реальностью, мы найдем противоречие не только в А-Т (как было показано выше), но и в Т. Это связано с тем, что утверждение, заключенное в тезисе Т: право «титulyного» народа на СО в субъекте РФ, «автоматически» признает бесправие других коренных народов на СО, поскольку оно уже отдано «титulyному» народу, а середины тут быть не может. В результате уже в Т заключаются зародыши межнациональной розни в национальных

субъектах, т.к. только «титულный» народ получает здесь социально-правовые преимущества практически во всех областях общественной жизни (о чем шла речь в пунктах 1-4). О противоречии, возникающем в случае А-Т уже шла речь. К нему лишь добавим следующее. Если «титулный» народ вдруг юридически оказывается бесправным в соответствующем национальном субъекте РФ, то это вызывает за собой целую цепь правовых коллизий в Уставном (конституционном) законодательстве национальных республик РФ. Иными словами, все равно, в любом случае рассматриваемая юридическая норма в ее формально-логическом смысле порождает конфликтогенез в социально-правовых отношениях.

По нашему мнению, причина кроется в том, что из множества народов, одновременно проживающих на определенной территории, выбирается именно какой-то один «титулный», причем, не системообразующий в мононациональном (по международным нормам) государстве РФ. Поэтому уже изначально данная юридическая норма является софистической – софизмом, несущим в себе искажение социально-правовой реальности в основании данной юридической нормы.

Но далее при рассмотрении формально-логического «права народа на СО» возникает еще одно очень важное софистическое ухищрение. Это закономерное продолжение вопроса о том, о каком самоопределении идет речь. Что это за право самоопределения? Здесь возникает два варианта ответа:

1) право на национально-культурное СО (на культурную самоидентификацию народа);

2) право на территориальное СО при «узаконенной» привязке данного «титулного» народа к определенной территории (при национально-территориальном определении субъектов Федерации).

Рассмотрим последовательно оба варианта.

1. Право на национально-культурное СО. Т: право на национально-культурное СО – А-Т: бесправие на национально-культурное СО. Можно

полагать, что даже при формально-логическом разрешении данной нормы в условиях РФ безусловно может быть принят тезис (Т), но без абсолютизации права только «титulyного» народа. Результат – возможность реализации прав на социокультурную идентификацию «титulyного» народа, причем, не только на территории национального субъекта Федерации, но и практически на всей территории России (о чем уже шла речь в пунктах 1, 3, 4). Это право на социокультурное осознание и развитие любого этноса, народа (как малочисленного, так и многочисленного) при уважительном отношении к аналогичным этнонациональным правам всех остальных народов и при их доброжелательном сотрудничестве в любом населенном пункте, на любой территории нашей страны. Т.е., реализация данной нормы не вызывает противоречия ни в концептуально-юридическом, ни в социальном плане.

2. *Право на территориальное СО.* Т: право на территориальное СО «титulyного» народа в пределах национальной автономии субъекта РФ, т.е. завладение данным «титulyным» народом юридически «закрепленной за ним» территории – части единой страны России. Далее А-Т: отсутствие права, бесправие народа как национального «титulyного» субъекта РФ на территориальное СО. Исходя из приведенных аргументов в пп.1-4, данное право онтологически, в реальной жизни населения страны не может быть реализовано, т.к. влечет за собой, с помощью применения манипулятивных методов, распад территории единого федерального государства деструктивными силами изнутри. Т.е., реализация данной нормы напрямую влечет за собой угрозу распада страны и жестко ставит проблемы национальной, правовой и конституционной безопасности Российской Федерации.

Приведенные рассуждения могут привести к выводу о манипулятивности формально-логической формы юридической нормы «права народа(ов) на самоопределение». А именно, неполнота формулировки основания данной нормы (софизма с заведомо укороченным, неполным логическим основанием) далее позволяет его расширять в двух аспектах,

которые кардинально различаются между собой. Исходно речь, якобы, идет о культурной самоидентификации народа: идет продление юридического основания по первому варианту, в целом приемлемому для общественного сознания населения. Но затем срабатывает манипулятивный фактор, скрывающий от общественного сознания возможную опасность ситуации. Далее осуществляется подмена «продленного основания нормы» по второму варианту – на крайнюю автономизацию (по сути, захват «титულным» народом) территории национального субъекта РФ с правом ее дальнейшего отделения от общей территории РФ, т.е. с частичным распадом страны. Во втором варианте применения данного софизма проявляется реальный конфликтогенез с возможным разрушительным эффектом для единой страны.

Теперь рассмотрим формально-логическое основание о территориальной целостности Российской Федерации, которое, как правило, в ряде социально-правовых дискуссий и при рассмотрении юридических коллизий напрямую связывается с «правом («титулного») народа на самоопределение» (поскольку, как выяснено, данное логическое основание как софизм, целенаправленно укорочено, чтобы затем при его расширении можно было включить вопрос о судьбе территории национального субъекта Федерации).

Если с позиций юридических норм ставить вопрос в форме тезиса и анти-тезиса, то получаем следующую формулировку.

Т: территориальная целостность (ТЦ) – А-Т: территориальная нецелостность (Т не-Ц), или территориальный распад (ТР). И выбор между ними включает в себя необходимость разрешения противоречия: между территориальной целостностью (ТЦ) или территориальным распадом (ТР) – в формально-логической софистической форме. По сути, данное противоречие в итоге решает судьбу всей страны, а не только национального субъекта Федерации: или сохранение страны, или ее распад и самоуничтожение (как былой целостности макросоциосистемы страны).

Даже при диалектической постановке такого изначально софистического вопроса возможны очень непростые варианты. 1) Т: сохранение территориальной целостности, но с привязкой части территории (национального субъекта РФ) только к «титულному» народу. 2) А-Т: распад территориальной целостности страны за счет ее инициации «титультным» народом, с подкреплением Уставным законодательством национального субъекта РФ, а также при разносторонней поддержке тех внутренних и внешних сил, которые заинтересованы в распаде страны. 3) Промежуточный вариант решения «как то, так и другое»: крайняя автономизация территории под руководством «титулного» народа, при нарастании недовольства всех остальных народов, проживающих на данной территории – социально-неустойчивое состояние.

При рассмотрении правовых коллизий исследуемой проблемы также следует учесть, что признак территории – объектный. Он связан с геобъектом, с природно-географической средой, где веками и тысячелетиями на разных ее ландшафтах проживают (кочуют, мигрируют, живут оседло) люди. А признак этнокультурного самоопределения народа – субъектный, связанный с решением вопросов только одного из проживающих на территории народов, «титулного», и с его субъективной оценкой складывающейся ситуации, причем как правило этноэгоцентричной «в свою пользу», не учитывающей мнения других народов, для которых эта территория (объективный геофактор) также является родной. Это значит, что в юридическом софизме первая часть (неполного основания) «право народа на самоопределение» по сути своей субъектная. А вторая часть (манипулятивно дополненного основания) – объектная (геообъектная). Иными словами, в данном софизме не только деформировано логическое основание, но также качественно изменяется признак деления, который заложен в данное основание – от субъектного к объектному. В итоге манипуляция состоит в том, что по эгоцентричному желанию определенного национального субъекта (одного из нескольких десятков народов) может

изменяться базисно-онтологический фактор объекта – территория всей страны.

Иными словами, вновь обращаясь к социально-философской оценке рассматриваемой проблемы с позиций возможного воздействия на общесоциальную и социально-правовую реальность философского деконструктивизма, мы получаем вывод о том, что «право народа(ов) на самоопределение» представляет собой софизм деконструктивного плана, способный в случае его реализации в законодательстве страны разрушить макросоциосистему изнутри.

Приведем на нижеследующих примерах наши рассуждения, позволяющие более глубоко оценить порочную логику территориального самоопределения народов, в итоге приводящую к ее полной абсурдности.

Например, если принять, что на территории нашей страны проживает сто народов (примем для простоты рассуждений – сто народов), то согласно самой простой уравнивательной логике, каждый народ может получить для себя по 1/100 части территории. Тогда он окажется «хозяином», «титulyным» народом на 1/100 территории страны, но на 99/100 оставшейся территории этот народ станет бесправным, будет дискриминирован, подчинен, поскольку там «титulyными» оказываются уже иные 99 коренных народа страны (каждый на своем 1/100 куске территории страны) – кроме этого «титulyного» народа. То есть, на подавляющей огромной части территории страны данный народ окажется бесправным. Чтобы каким-то образом реализовать свой социально-правовой потенциал, этот народ должен находиться безвыездно на маленьком островке огромной страны, на 1/100 ее территории. И такая ситуация произойдет с каждым народом, который при этом на всей остальной территории страны (на 99/100 ее земель) погрузится в пучину зависимости от других народов, в сферу рабского этнонационального существования.

Данный абстрактный логический пример отражает парадоксальность и бессмысленность предлагаемых тезисов с претензией на «территориальное

самоопределение народов». Кроме того, в онтологическом плане, т.е. при рассмотрении реальных решений данного вопроса сразу же встанет неразрешимая ситуация. Она заключается в том, что на одной и той же территории проживают разные народы. Тогда как необходимо резать эту территорию «по живому»? При любых «раскроях» территории все равно на расчленяемых «лоскутах» территорий останутся разные этносы, народы. Так что же: насильственно их выселять и переселять? А ведь это для многих коренных жителей, народов (которые рассеяны по территории страны) – их родные территории, малые Родины, и они реально находятся в самых разных уголках России. В итоге получается, что и при гносеологическом, и при онтологическом разрешении спорных вопросов мы приходим к полному абсурду в вопросе о «праве народов на самоопределение (территории)».

В нашей предыдущей статье в Вестнике Института развития ноосферы, посвященной компаративистскому анализу современных социологических концепций и стратегий глобализирующегося общества, а также в других опубликованных работах, мы выделили, в качестве главных, две основанные стратегии XXI века – этацентризм и глобоцентризм [31-34]. Продолжая эту тему, следует подчеркнуть, что практика реализации «права народов на самоопределение» в целом соответствует стратегии глобоцентризма, поскольку подрывает целостность суверенных стран и стратегию этацентризма в современном мире.

Ранее мы также выяснили, что возвышение роли одного «титulyного» народа на территории проживания нескольких коренных народов, ставит остальные народы в зависимое, бесправное положение. Но особо подчеркнем, что это в корне противоречит современным международным принципам этнокультурной терпимости и толерантности.

Для примера, возьмем современную Западную Европу. Если сейчас к ней применить софистический манипулятивный принцип «права наций (народов) на самоопределение» (территории), с вытекающим из этого расчленением территорий западных стран, то в ближайшее время не только

от Евросоюза, но и от территорий развитых европейских стран мало что останется.

Сегодня это практически касается большинства государств мира, поскольку в условиях глобализации и нарастающих потоков миграции населения по всей планете, во всех ее уголках совместно проживают люди разных этносов, национальностей, народов. Поэтому попытки реализовать рассматриваемый софистический «юридический принцип» «права наций (народов) на самоопределение (территорий)», манипулятивно используемый для расчленения территорий разных стран, приведут лишь к глобальным кровавым межнациональным и социальным конфликтам, грозящим гибелью всего человечества.

Таким образом, юридический софизм «права наций (народов) на самоопределение (их территорий)» можно считать философски алогичным, манипулятивным, деконструктивным, а на практике – мощным подрывным инструментом для разрушения территориальной целостности большинства государств планеты, в том числе, самой большой страны мира Российской Федерации, изнутри – с целью последующего захвата и разграбления социальных и природных богатств на отколовшихся территориях некогда единой, целостной страны. Исследуемая юридическая норма предоставляет очень эффективный способ разворачивания «внутренней агрессии» против той или иной страны в новейших условиях осуществления современных глобальных гибридных войн.

Заключение.

Таким образом, в статье показано, что деструктивные манипулятивные социальные силы делают основной упор на особые эксклюзивные права, коренных народов, юридически признанных «титულными», для их территориального отделения, с реальным захватом значительных территорий страны, где живет и много других этносов, народов. Такое право самоопределения на практике – это псевдоправо, поскольку оно инициирует развал территории страны изнутри и в итоге – уничтожение всей страны, по

недавнему сценарию развала СССР. Важно подчеркнуть, что такое «движение территориального самоопределения народов» резко развивает их национальный местный этноэгоизм, этноэгоцентризм. Одновременно это провоцирует всплеск творчества разнообразных мифологий обоснования прав одного этноса, народа (из многих, проживающих на данной территории), претендующего на исключительность. Всячески обосновываются преимущества «титularного народа» по отношению к другим проживающим на данной территории народам, которые честно трудятся на ней и имеют не меньшее право проживания на этой земле. Возникающие притеснения народов на «титularной» национальной территории «титularного» народа, которому формально присвоено данное право, вызывают естественную негативную реакцию остальной части населения данной территории. развиваются такие социальные процессы, как национальное недовольство несправедливо ущемленных людей, национальная рознь, национальная нетерпимость, межнациональные конфликты и даже войны, которые подрывают основы государства изнутри. В итоге определенными социальными силами целенаправленно формируется реализация стратегии неразрешимого софистического формально-логического противоречия как основы правового несоответствия, правовых коллизий, правового конфликтогенеза и антропосоциального конфликтогенеза (согласно с древним принципом «Разделяй и властвуй»).

Особо отметим, что рассмотренные вопросы актуальны сегодня и на международном уровне, т.к. в связи с развитием глобальных транспортных сетей, с нарастающими потоками миграции населения, современные крупные государства становятся реально многонациональными, с большими территориальными анклавами инокультурных диаспор. Часть из них уже готова проявить желание жить «по собственным правилам» в том числе, с опорой на юридическую норму «права народов на самоопределение».

Таким образом, закономерно формируется стратегия внутригосударственного конфликта, как процесса наращивания

конфликтогенеза, ослабления макросоциосистемы с ее дальнейшей деградацией и разрушением. Можно заключить, что в «праве наций на самоопределение» правовая «привязка территории» к проживанию отдельного «титульного» народа (причем, довольно вариативная, сомнительная, чаще с манипулятивными целями) при реальном смещении и перемещении множества народов становится в современном социуме не только атавизмом, но и опасным механизмом развязывания тяжелых социальных конфликтов на пути к ослаблению и распаду страны.

Грядущая ноосферная цивилизация как сфера нравственного разума множества людей, знающих и ценящих собственную культуру, берегущих родную землю и уважительно относящихся к другим нравственным культурам людей, невозможна без суверенных государств созидающих тружеников, совместно облагораживающих социальную жизнь и природу Земли.

Добавить про ноосферную цивилизацию и несовместимость с ее принципами права народов (наций) на самоопределение. Общее дело, содружество, а не конкуренция, конфликты и «борьба всех против всех».

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. – URL: https://www.e-reading.club/bookreader.php/146708/Alekseev_-_Russkiii_narod_i_gosudarstvo.html
2. Ан С. А. Актуализация метода критического научно-философского анализа современной интеллектуальной продукции в условиях глобализации на пути к ноосфере / С. А. Ан, Б. Н. Кагиров, Р. Ю. Наумов и др. // Вестник Института развития ноосферы. – 2019. – № 3(5). – С.5-56.
3. Барсегов Ю. Г. Самоопределение и территориальная целостность. – М.: Междунар. Гуманитар. Фонд Арменоведения, 1993. – 41 с.
4. Большой юридический словарь / А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских, А. Я. Сухарева. – М.: Инфра-М. 2003. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/15480/КОНВЕНТ>
5. Бондаренко А. В. «Мягкая сила» и «Управляемый хаос» – инструменты современной мировой политики – URL: <https://www.hse.ru/data/2014/10/24/1099798460/Тема%203%20Управляемый%20хаос.pdf>

6. Василенко В. Технологические уклады в контексте стремления экономических систем к идеальности // Соціально-економічні проблеми і держава : Журнал. – Тернополь. – 2013. – Т. 8. – № 1. – С.65-72.

7. Витрянюк С. В. Национальное государство в международном правовом и геополитическом измерениях : монография. – Ульяновск: УлГТУ, 2002. – 104 с.

8. Волобуев О. В. Россия и мир. От Российской Республики Советов к СССР / <https://www.rusempire.ru/sssр/istoriya-sssр/514-ot-rossijskoj-respubliki-sovetov-k-sssр.html>

9. Всемирный философский форум. Афины: Сайт: – URL: <http://wpf-unesco.org/rus/indexr.htm>

10. Всеобщая Конституция Земли (ВКЗ) – URL: <http://glob-use.org/rus/use/pap/constit-r.htm>

11. Гамзатова М. М. Конституционно-правовые основы равноправия и самоопределения народов в Российской Федерации. Автореф. дис. на соиск. ... канд. юр.наук. – Махачкала, 2012. – 26 с.

12. Географическая характеристика Якутии на портале: – URL: www.yakutskrsp.ru

13. Глобалистика. Хрестоматия. Под ред. И. Ф. Кефели. – Санкт-Петербург: БГТУ, 2011. – 428 с.

14. Гуриева Л. К. Концепция технологических укладов // Инновации: Журнал. – СПб, 2004. – № 10. – С. 70-75.

15. Устав ООН (1945 г.): «Декларация о представлении независимости колониальным странам и народам» (ст. 1 от 14.02.1960 г.). – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml

16. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН (принята 24.10.1970 г. Резолюцией 2625 (XXV) на 1883-ем пленарном заседании ГА ООН ГА ООН – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml

17. Декларация прав народов России, от 2 (15) ноября 1917 г. // Декреты Советской власти. Т.1. – М.: Гос. изд-во политической литературы, 1957. – С.39-41.

18. Дербан Г. В. Философский анализ идей оптимальности. Диссертация на соиск. ... канд. филос. наук: 09.00.01. – Барнаул: АлтГУ, 2003. – 174 с.

19. Заринов И. Ю. Социум – этнос – этничность – нация – национализм // Этнографическое обозрение. – 2002. – №1. – С.3-30.

20. Иванов А. В., Фотиева И. В., Шишин М. Ю. Духовно-экологическая цивилизация: устои и перспективы. 2-е изд., испр. – Барнаул: Изд-во АГАУ, 2010. – 133 с.

21. Кагиров Б. Н., Соболев А. А., Соболева Т. Г., Ушакова Е. В. Либерализм и патернализм – основы либеральной и патернальной стратегий, альтернативно воздействующих на жизнь населения / Семья в XXI веке:

проблемы и перспективы: сб. статей по мат-лам II Всерос. науч.-практ. конф. – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2019. – С.24-34.

22. Калинина К. В., Рябова Е. Л. Право народов на самоопределение: проблемы реализации // Этносоциум. – 2016. – №5(95). – С.9-15.

23. Кара-Мурза С. Г., Куропаткина О. В. Нациестроительство в современной России. – М.: Алгоритм: Научный эксперт, 2014. – С.172-174.

24. Катаева О. В. Критический метод как метод рациональной дискуссии в истории философии. – URL: <http://spolejournal.ru/node/35>

25. Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России / Киреевский И. В. Разум на пути к истине. – М.: Правило веры, 2002. – С.151-213.

26. Кляйн Н. Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф. – М.: Добрая книга. 2009. – 656 с.;

27. Ковалевский П. И. Русский национализм и национальное воспитание в России. СПб.: Потаённое, 2006. – 228 с.

28. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Консультант-Плюс: версия 03.10.2013. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

29. Конституция Республики Саха (Якутия) – URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/11791386/23205797/>

30. Кузнецов А. М. Этническое и национальное в политологическом дискурсе // Полис. – 2007. – № 6. – С.9-23.

31. Кузьменко К. А. Анализ специфики регионализма в стратегиях этацентризма и глобоцентризма в социогуманитарном познании и образовании // Профессиональное образование в современном мире. – 2019. – Т.9. – №1. – С. 2464-2475.

32. Кузьменко К.А. Компаративистский социально-философский анализ социальных концепций и социальных стратегий глобализирующегося общества // Вестник Института развития ноосферы. – 2019. – №5(7). – 1-53.

33. Кузьменко К.А. Подходы к законодательству государства в праве и юридическом образовании (социально-философский анализ) // Философия образования. – 2017. – № 4. – С.48-56.

34. Кузьменко К.А. Проблемы формирования человека и семейных отношений в контексте цивилизационных преобразований и стратегий XX–XXI веков / Семья в XXI веке: проблемы и перспективы: Сб. статей / Мат-лы II Всерос. науч.-практ. конф., АлтГТУ / Под ред. Т. Г. Соболевой. – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2019. – С.38-44.

35. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. – М.: Территория будущего, 2006. – 622 с.

36. Лурье С.В. Историческая этнология. 2-е изд. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 448 с.

37. Мантатов В. В., Мантатова Л. В. Ценностные основания грядущей цивилизации: устойчивое развитие и экологическая этика. – Улан-Удэ:

Восточно-Сибирский гос. технол. университет, 2008. – URL: <http://www.congress2008.dialog21.ru/Doklady/12910.htm>

38. Методология философии. – URL: <http://sargelas.com/metodologiya-filosofii>

39. Миллер А. История понятия «нация» в России // Отечественные записки. – 2012. – №1. – URL: <http://magazines.russ.ru/oz/2012/1/m22-pr.html>

40. Моисеев Н. Н. Современный антропогенез, цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ // Вопросы философии. 1995. №1. – С.3-30.

41. Новая философская энциклопедия / Науч.-ред. совет: В. С. Стёпин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, А. П. Огурцов. – Т. 1-4. – 2-е изд., испр. и допол. – М.: Мысль, 2010. – 2816 с. – URL: https://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=41

42. Остроухов Н. В. Территориальная целостность государств в современном международном праве и ее обеспечение в Российской Федерации и на постсоветском пространстве. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 351 с.

43. Официальный портал Республики Саха (Якутия) – URL: <https://www.sakha.gov.ru>

44. Панарин А. С. Деидеологизация. – URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH019bdbeefd8c3a828ba2579b>

45. Пашаев Х. П. Социально-философский анализ соотношения нормосозидающей и криминальной сфер общественной жизни. Дис. на соиск. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – Барнаул: АлтГУ, 2007. – 169 с.

46. Перкинс Д. Исповедь экономического убийцы. М.: Претекст, 2007. – 406 с.

47. Племя, народность, нация как исторические типы этнических общностей. – URL: https://studme.org/1797010725288/kulturologiya/plemya_narodnost_natsiya_kak_istoricheskie_tipy_etnicheskih_obschnostey

48. Поздняков В. (депутат Госдумы). Россия – мононациональная страна русского народа. – URL: <https://rusprav.tv/rossiya-mononacionalnaya-strana-russkogo-naroda-81214/>

49. Приказ Минобрнауки РФ от 03.08.2006 № 201 «О концепции национальной образовательной политики Российской Федерации» / Официальная терминология. Академик.ру., 2012. – URL: <https://official.academic.ru/13497>

50. Разумовский О. С. Оптимология. Ч. 1: Общенаучные и философско-методологические основы. – Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 1999. – 285 с.

51. Русская философия права. Философия веры и нравственности. Антология / Сост. А. П. Альбов, Д. В. Масленников, А. И. Числов и др. – СПб.: Алетейя, 1997. – 398 с.

52. Саха (Якутия) / Энциклопедия «Вокруг света». – URL: <http://www.vokrugsveta.ru/encyclopedia/index.php?title=%D0%AF%D0%BA%D1%83%D1%82%D0%B8%D1%8F> ;
53. Современная энциклопедия. 2000. – URL: <http://niv.ru/doc/encyclopedia/modern/index.htm>
54. Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Сост. и вступ. ст. Б. С. Ерасов. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 556 с.
55. Темираев А. В. Принципы территориальной целостности и самоопределение народов в Российской Федерации: вопросы теории и практики реализации. – Владикавказ: Изд.-полиграф. предпр., 2016. – 172 с.
56. Тимошев Р. М. Право наций на самоопределение и современные межнациональные конфликты. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-natsiy-na-samoopredelenie-i-sovremennye-mezhnatsionalnye-konflikty>
57. Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945 г.). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121087/
58. Ушакова Е. В. Ноосферизм и некротеризм как полярные стратегии XXI века // Вестник Института развития ноосферы – 2019. №1(3). – С. 23-39.
59. Ушакова Е. В., Ушаков П. В. Типология философии с позиций знаниеведения / Интеллектуальный потенциал ученых России: Труды Сиб. ин-та знаниеведения. Вып. 4. – Барнаул–Москва: Изд-во АлтГУ, 2006. – С.32-40.
60. Федеральный закон от 17.06.1996. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии». – URL: <http://base.garant.ru/135765/>
61. Фейк_(значения). – URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Фейк_\(значения\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Фейк_(значения))
62. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А. А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.
63. Халев В. В., Кузьменко К. А. Проблема переходности: философский, социально-правовой и образовательный аспекты / Культурно-антропологическая парадигма: практика реализации в условиях компетентностной модели образования: Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул: АлтГПУ, 2017. – С.24-28.
64. Центр Сулашкина С.С. Право народов (наций) на самоопределение. Обретение смыслов. – URL: <http://rusrand.ru/tv/meaning/pravo-narodov-natsij-na-samoopredelenie>
65. Черниченко С. В. Содержание принципа самоопределения народов: (современная интерпретация) / Дипломат. акад. МИД РФ, Ин-т актуал. междунар. проблем. 2-е изд. – М.: Научная книга, 1999. – 33 с.
66. Широкогоров С. М. Этнографические исследования: Избр. работы и материалы. Книга 1. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2001. – 420 с.
67. Mann S. R. Chaos Theory in Strategic Thought // Parametes. Autum. – 1992. – P.54-68.

K.A. Kuzmenko

Gorno-Altai State University,
Gorno-Altai, Russia**THE PROBLEM OF THE SOVEREIGNTY OF STATES IN THE
NOOSPHERE CIVILIZATION: THE EXAMPLE OF RUSSIA**

In the context of globalization and the formation of the sociosphere, polar strategies operate: 1) Globotcentrism as a stateless (without the majority of states) control of the sociosphere; 2) centristism as the management of the sociosphere by the community of paternal states. The problem of weakening and possible subsequent destruction of sovereign states from the inside is investigated, with the help of internal socio-legal mechanisms in the overall strategy of global centrism, i.e. global management of society without the participation of the majority of states or in the absence of states (with their destruction). The article deals with the states with a federal structure, in this respect the most vulnerable, since their internal territory is divided into several relatively autonomous entities (lands, states, republics, regions, etc.), along whose borders a possible and real division can occur. territory of a federative country. The analysis of social and legal mechanisms of possible violation of the general sovereignty and territorial integrity of a federal state was carried out with the help of the so-called "right of peoples (nations) to self-determination", using the example of the largest country in the world - the Russian Federation.

Key words: etatsentrizm-noospherizm and globotsentrizm, state sovereignty of countries in the context of globalization, federal state, territorial integrity, the right of peoples to self-determination, the dangers of self-destruction.

Поступила в редакцию 21 июня 2019

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

УДК 34

*М. Н. Кокина**Сибирский Федеральный университет,
Красноярск, Россия***ДИАЛЕКТИКА ОТНОШЕНИЙ РЕЦЕПТОРСТВА–ДОНОРСТВА В
ПРАВЕ, ТРАДИЦИОНАЛИЗМА – АНТИТРАДИЦИОНАЛИЗМА В
ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ СТРАН И ПРОБЛЕМЫ
КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

В статье с социально-философских и философско-правовых позиций исследованы вопросы социально-правовых рецепций, т.е. заимствований в праве. Показано, что их широкое изучение требует исследования диалектики отношений: с одной стороны, воздействий правового донора (из одной правовой системы), а с другой стороны, наличия правового реципиента (в другой правовой системе, воспринимающего какие-либо элементы права от правового донора). В целом осуществляется диалектический социально-правовой процесс: «правовое рецепторство – правовое донорство». Также определена специфика данного процесса: когда он действует в пределах одной правовой традиции; когда действует в пределах разных правовых традиций. В связи с этим возникает проблема традиционализма – антитрадиционализма применительно к диалектике процессов правового рецепторства – правового донорства. В Российской Федерации, начиная с 90-х годов XX века, постоянно происходят правовые реформы, в том числе, со значительным количеством правовых рецепций. Часть таких правовых заимствований можно считать позитивными, а часть – стагнирующими и даже деформирующими традиционную российскую правовую систему. Поэтому встают актуальные теоретические и практические вопросы исследования процессов правового рецепторства–донорства в Российской Федерации с позиций традиционализма и анти традиционализма в праве.

Ключевые слова: рецепции в праве, правовое рецепторство, правовое донорство, традиционализм и антитрадиционализм в праве.

Введение.

В прошлой и новейшей истории активно шли и до сих пор постоянно продолжают осуществляться рецепции в праве. В общем они принимают вид определенного социально-правового процесса. В качестве предварительной информации отметим, что правовые рецепции или правовые заимствования – это процессы восприятия элементов, частей из одной правовой системы (юридических норм, статей и т.п.) – другой правовой системой, в результате

чего происходит определенная трансформация (реформирование) последней. Поскольку этот процесс идет на протяжении всей истории социально-правовых отношений, а также в настоящее время, по нашему мнению, имеет смысл обозначить его определенным термином для общего понимания и дальнейшего более глубокого изучения: правовое рецепторство. Далее во введении мы обозначим нашу рабочую гипотезу, основные мысли, которые далее затем развиваться и обосновываться в предлагаемой статье.

Как известно, в ряде современных наук существуют взаимосвязанные диалектические понятия рецептора, акцептора (сторона, которая воспринимает определенные элементы) и донора (сторона, которая отдает определенные элементы), что в целом отражает межсистемный обмен какими-то элементами, частями взаимодействующих систем. Например, это доноры и реципиенты крови человека в медицине; также существуют аналогичные понятия в биологии, химии и т.д. В медицине отлаженный процесс отдачи (передачи) крови донорами для больных людей получил название «донорство». Соответственно, было бы логично процесс постоянного приема чего-либо от доноров обозначить как *рецепторство*, а общий процесс такого межсистемного взаимодействия – как «*донорство – рецепторство*». В праве познание диалектики данных отношений может быть выражено как проблема отношений: «*правовое рецепторство – правовое донорство*».

Следует особо отметить, что если процессы правового рецепторства и правового донорства осуществляются в рамках одной правовой традиции, то они вполне могут соответствовать друг другу, быть комплементарными. Если же данные диалектические процессы происходят в пределах разных правовых традиций, то взаимодействия правового донорства и правового рецепторства могут оказываться противоречивыми, в том числе, опасными для правовых реципиентов. В связи с высказанной рабочей гипотезой, первая часть статьи посвящена диалектике отмеченных социально-правовых процессов (в социально-философском, философско-правовом аспектах), а

вторая часть статьи связывает отношения *правового рецепторства–донорства* с проблемой *традиционализма – антитрадиционализма в праве*.

Заимствования (рецепции) в праве и правовое рецепторство.

В правовой реальности, в истории и современности, постоянно происходят множественные акты рецепции в праве, которые специально и все более широко изучаются в правоведении, в истории и теории права. Нам представляется, что для более глубокого изучения этого процесса целесообразно обозначить его определенным термином. Мы предлагаем определить совокупный процесс осуществления рецепций в праве, в истории и современности, термином «рецепторство» (по аналогии с термином «донорство», поскольку часто эти процессы в разных сферах бытия идут взаимосвязано, а также совместно отражаются в познании).

Полагаем, что термин «правовое рецепторство» можно определить следующим образом: это совокупный процесс использования рецепций в правовой системе той или иной страны, как в ее конституции, конституционализме, так и в отраслевых законах и других правовых документах, а также в знаниях по истории и теории права соответствующих стран. Результатом рецепторства становится определенное обновление правовой системы страны, которое может иметь в итоге разнообразный характер – позитивный, нейтральный, негативный.

В связи с тем, что процессы рецепторства в праве могут значительно и в разных аспектах воздействовать на отдельные статьи законов и в целом на законодательство, в том числе конституционное, считаем необходимым специально обратиться к этому вопросу, рассмотрев его более подробно на основе рабочей гипотезы автора данной статьи, обозначенной во введении. А именно, исследуем правовые рецепции как совокупный процесс рецепторства в прошлом и настоящем, с учетом его видоизменения во времени. По нашему мнению, по времени осуществления, можно выделить два различающихся этапа правового рецепторства.

Первый этап – это рецепторство как однонаправленный процесс от прошлого к будущему, исторически первый, который имел место в истории развития правовых систем разных стран и который, прежде всего, связан с общеизвестными процессами рецепции римского права, воспринимавшегося последующими, более поздними, правовыми системами государств Средних веков, эпох Возрождения, Нового времени и вплоть до современности. Соответственно, этот первый этап можно обозначить как «этап однонаправленной рецепции», поскольку здесь мы имеем дело только с рецепциями права и их воздействием на более позднюю (во времени) страну-реципиента. В гносеологическом аспекте на этом этапе вводится и разносторонне изучается лишь одно понятие – «рецепция права» (правовая рецепция). В теоретическом ключе для нас важно, что на этом первом этапе однонаправленной рецепции, «рецепция права» в гносеологическом (познавательном) аспекте выступает как одиночная категория, или как моно-категория.

Второй этап – это рецепторство как современный двунаправленный процесс – практически одновременного взаимодействия элементов, частей и др. составляющих правовых систем разных стран, в котором одни страны выступают как страны-доноры элементов права, а другие, соответственно, как страны-реципиенты (рецепторы) элементов права; кроме того, с развитием международно-правовых отношений в XX веке донорство может осуществляться из системы международного права, а восприниматься какой-либо отдельной страной-реципиентом.

Главная особенность второго этапа правового рецепторства состоит в том, что здесь имеет место двухсторонний процесс взаимодействия элементов правовых систем стран-доноров и стран-реципиентов. Соответственно, для описания данного взаимодействия в гносеологическом аспекте, необходимо применение диалектических пар категорий, отражающих такое взаимодействие. Это, прежде всего, следующие пары категорий: «донорство права – рецепторство права»; «страна-донор – страна-

реципиент»; «правовая рецепция – правовое донорство»; «международная правовая система-донор» и «правовая система страны – реципиента». Для нас важно, что на втором этапе процесса рецепторства, в связи с активно протекающими процессами взаимодействия правовых систем разных стран, а также взаимодействия правовых систем стран с системой международного права, категория «рецепция права» уже предстает в качественно ином виде – не как одиночная, моно-категория, а как дуальная диалектическая категория, во взаимосвязи с другой диалектической категорией. Тогда и сам второй этап современного рецепторства можно обозначить как «этап взаимодействия рецепций и донорства».

И действительно, в современный научный оборот начинают вводиться такие понятия, как «страна-реципиент», или «правовая система – реципиент», а также «страна-донор», или «правовая система – донор». Это, в частности, отмечается в ряде современных исследований, например, С.В. Ткаченко, А.И. Дудко, Н.Н. Паршковой [25; 5; 19].

Наиболее систематизировано использует в своих работах диалектические пары категорий С.В. Ткаченко. Так, С.В. Ткаченко в одной из своих монографий «Рецепция права: идеологический компонент» указывает, что в настоящее время «связь между правовой системой-«донором» и правовой системой – «реципиентом» носит, как правило, глобальный характер» [25, с.13]. При этом часто бывает, что: «В результате успешно осуществленной рецепции, государство-донор приобретает известные преимущества и привилегии. Зачастую, именно он (донор) более всего и заинтересован в распространении такого своего влияния» [25, с.13]. На с.27 этот же автор приводит собственное определение: «Рецепция представляет собой заимствование и внедрение идей, правовых институтов, норм, терминологии иностранного права в силу идеологии реципиента и (или) донора». Но: «Зачастую, такие реципированные институты используются в рамках другой правовой философии и приносят совсем иные плоды как для донора, так и для реципиента» [25, с.78]. Как правило, «донор – более

сильное государство, оказывает давление в той или иной форме на реципиента – государство, находящееся в той или иной степени зависимости от донора» [25, с.92]. В частности: «Активная роль донора в российских преобразованиях видна практически во всем» [25, с.94]. Также отмечается: «Политика донора (доноров) осуществляется в разнообразнейших формах» [25, с.96]. «Донор может оказывать и выгодное для себя воздействие на правовую систему реципиента с помощью международного права» [25, с.97].

Также С.В. Ткаченко пишет: «Идеология реципиента, донора, зачастую – и совместная идеология донора и реципиента – образует искомый компонент рецепции, выражаясь в научном обосновании и целесообразности отказа от правового прошлого и заимствования «передовых» правовых технологий иностранного происхождения». Соответственно, далее ученый выводит определение рецепции в ее дуально-диалектическом значении – «рецепция представляет собой заимствование и внедрение идей, правовых институтов, норм, терминологии иностранного права в силу идеологии реципиента и (или) донора» [25, с.164].

В другой своей монографии, посвященной рецепции западного права в России, С.В. Ткаченко в разделе 2.2 «Роль донора в российской рецепции» пишет о реальных процессах взаимодействия правовых систем стран доноров и реципиентов. «Особый интерес... представляет изучение взаимоотношений реципиента с донором < ... > Влияние донора определяется следующим образом: донор (более сильное государство) оказывает давление на реципиента – государство... < ... > Бесспорный факт господства США как основного донора, идеолога правовых реформ... признается в российской научной литературе» [24].

Также выводы о диалектической взаимосвязи рецепции и донорства, о возможных позитивных и негативных последствиях процессов рецепторства и донорства содержатся в исследованиях А.И. Дудко [5; 6]. Так, данный автор отмечает, что «рецепция, представляет собой процесс заимствования правовой системой (получателем), элементов иной правовой системы

(донора). В случае взвешенного подхода к переносу моделей конституционного и политического устройства одних государств на другие страны, рецепция выступает инструментом совершенствования конституционного права. Отторжение заимствованных моделей наступает в результате игнорирования правовых, культурных и исторических традиций воспринимающей системы и ведет к регрессу национальной правовой системы» [6, с.9]. Однако, по мнению А.И. Дудко, не стоит забывать, что заимствованный из одной правовой системы правовой материал обретает в новых условиях «другое звучание» и часто другой смысл. Даже в случаях «чистого» заимствования впоследствии происходят значительные видоизменения. Поэтому достаточно трудно просчитать, каким образом поведет себя заимствованный элемент в новой среде [5].

Отчасти, о процессе рецепторства, об отношениях правового реципиента и донора пишет также Н.В. Паршкова, отмечая что «в отношении рецепции наблюдается участие, по крайней мере, двух субъектов: правового донора (владельца правового опыта) и реципиента (государство, заимствующее опыт правового регулирования). При этом на стороне правового донора может возникать множественность, поскольку одновременно может восприниматься опыт правового регулирования нескольких государств» [19, с.14].

По нашему мнению, само изучение процесса рецепторства на первом и втором этапах развития этого процесса становится специфичным. А именно, на первом этапе, рецепция права изучается как отдельное самостоятельное правовое явление, гносеологически – как моно-категория. Определяются содержание, сущность как самого правового явления, так и соответствующего понятия. Учеными даются различные классификации правовых, в том числе, конституционных рецепций. На втором же этапе главное внимание должно быть уделено диалектическим категориям – рецепции и донорства в праве, а также соответствующим взаимодействиям правовых систем.

Наиболее полно изучена в современной науке отдельная проблема рецепций в праве (то, что мы обозначили как первый этап рецепторства). Поэтому далее мы рассмотрим достижения ученых по проблемам классификаций и видов рецепции в праве. Лишь после этого выскажем некоторые собственные суждения по диалектике рецепций и донорства в праве (второй этап рецепторства).

В частности, используем материал, представленный ранее в нашей совместной с доктором юридических наук Е.С. Аничкиным, статье «Виды рецепции в Российском конституционализме» [2]. Соответственно, в рамках исследования влияния рецепции на развитие российского конституционализма, предлагаем выделить рецепции в праве, различающиеся *по источнику заимствования*. Это, с одной стороны, рецепция как заимствование зарубежного опыта, а с другой – отечественного. Влияние зарубежного опыта на российский конституционализм выражается, например, в том, что в Конституции Российской Федерации 1993 года осуществлены значительные рецепции в виде заимствования конституционно-правовой практики Соединенных Штатов Америки, Германии, Франции и норм международного права.

Примером же заимствования отечественного опыта, сложившегося на основании прошлых этапов развития правовой системы российского государства, является выраженное наличие в управлении страной лидера государства, хотя и различное по форме. Так, в имперской России лидером являлся царь – монарх. В советской России данную роль выполнял «вождь народа». В современной России в системе органов государственной власти – это глава государства в лице президента. Ведь в практической реализации права президент, по сути, находится над тремя ветвями органов государственной власти (исполнительной, законодательной, судебной) и в значительной мере определяет основные направления внешней и внутренней политики государства, в первую очередь, представляя Российскую Федерацию внутри страны и в международных отношениях.

По форме источников заимствования правовых компонентов мы солидарны с исследователями (А.И. Дудко, Н. Неновски), которые выделяют «вертикальную» и «горизонтальную» рецепцию [5, с.5-7; 17, с.46]. Нами данные виды рецепции рассмотрены более подробно в следующих отношениях. Так, к виду «вертикальной» рецепции можно отнести реализацию международного опыта через применение норм международного права: Конституция РФ 1993 года (часть 4 статьи 15) гласит, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы». Данная норма закреплена и в федеральном законодательстве. Согласно части 2 статьи 5 Федерального закона от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 12.03.2014) «О международных договорах Российской Федерации» отмечено: если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора [18]. Примером «вертикального» заимствования можно считать также заимствование субъектом Российской Федерации федерального правового опыта, в соответствии с которым разработаны нормативно-правовые акты субъектов РФ.

К «горизонтальному» виду рецепции следует отнести, например, передачу и обмен опытом между ветвями государственной власти – законодательной, исполнительной, судебной. «Горизонтальный» обмен опытом происходит и на уровне субъектов Российской Федерации в рамках аналогичных сфер их ведения. Также идет обмен опытом между органами местного самоуправления в разных регионах страны.

Кроме того, может осуществляться классификация рецепций в праве *по образцу заимствования*. Здесь выделяются такие виды рецепции, как заимствование доктрины в качестве образца построения правовой системы государства или заимствование практического опыта, как действующей правовой системы государства, так и отечественного законодательства. А в

советский период происходила рецепция идеологической доктрины Нового времени и особенно марксизма, основанной на идее возможной реализации совершенного коммунистического будущего и построения социалистического общества без эксплуатации – в качестве образца для построения государства и права в нашей стране.

В России в начале 90-х годов XX века, когда шло становление нового государственного строя, осуществлялось уже широкое заимствование практического опыта действующих правовых систем других, наиболее развитых стран либеральной демократии. В то же время, современное российское законодательство приобретает способность транслировать и собственный приобретенный за четверть века правовой опыт. Данный вид рецепции можно обозначить как ауторецепцию в современных условиях, или *интерорецепцию* (собственного внутреннего опыта), в отличие от заимствования внешнего опыта других государств – как правовую *экстерорецепцию*.

В период развития монархического конституционализма в России начала XX века наблюдалась взаимосвязь одной правовой системы государства, в виде его прошлого опыта абсолютной монархии, с другой новой системой – думской монархией. В данном случае можно выделить вид преемственной рецепции. Но может наблюдаться и противоположное явление – полный отказ от взаимодействия с прошлой правовой системой. Это можно продемонстрировать на примере опыта нашей страны, когда социалистическое государство Советская Россия отказалось от правового опыта царской России и буржуазно-демократической России, а государство Российская Федерация также во многом отказалось от правового опыта Советского Союза. На основании изложенного, можно вести речь о таких противоположных видах рецепции, как рецепция, взаимодействующая и взаимосвязанная с правовой системой последнего этапа развития, и рецепция, не взаимодействующая, не связанная с правовой системой последнего этапа развития. Во втором случае исчезает преемственность

правового опыта предыдущего государственного строя либо идет его полное отрицание.

По виду участников процесса, рецепцию можно классифицировать на сторону, которая передает правовой опыт (по сути, при диалектическом подходе к проблеме – это правовой донор), и сторону, которая данный опыт заимствует (это правовой реципиент). В настоящее время российский конституционализм, как молодое явление, выступает стороной, принимающей рецепцию в различных ее формах. Это ярко проявилось при разработке и утверждении Конституции Российской Федерации 1993 г. В текст данной конституции были включены, в качестве экстерорецепций, нормы и идеи, заимствованные из международного права. Важнейшими источниками правовой рецепции при этом явились: Устав Организации Объединенных Наций 1945 г., Конвенция о защите прав и основных свобод человека 1950 г., Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Декларация о принципах международного права, вопросы дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН 1970 г., Конвенция о правах ребенка 1989 г., и другие.

Также считаем необходимым *опираться на классификации правовых рецепций других ученых*. Например, В.А. Рыбаков выделяет виды рецепции по способу их воздействия на правовую систему. Выделяет при этом полную (тотальную) и частичную рецепцию права [20]. По его мнению, полная, или тотальная, рецепция понимается как заимствование не просто отдельных норм, элементов, некоторых отраслей права, а всей юридической системы в целом, с множеством отраслей права. Частичная же рецепция предполагает заимствование не всей системы иностранного права, а лишь некоторых ее элементов. А.И. Дудко несколько трансформирует и расширяет данную классификацию. Предлагает выделять чистую рецепцию (как воспроизводство классического юридического материала, выработанного мировой правовой практикой или предшествующей правовой системой),

тотальную рецепцию (по аналогии с классификацией В.А. Рыбакова) и синтезированную рецепцию (представляющую собой вначале «расчленение» юридического наследия, а затем его новый синтез в каких-то новых комбинациях [6]).

Обобщим данный материал. Выскажем мнение о том, что имеет смысл выделить *группу «рабочих» классификаций* разных видов правовых рецепций, с помощью которых можно осуществить более глубокое и развернутое теоретическое и практическое изучение рецепций в праве. Можно предложить несколько групп классификаций правовых рецепций, по разным основаниям:

- 1) По географии получения (использования) опыта:
зарубежный – отечественный.
- 2) По времени осуществления рецепции: историческая – современная.
- 3) По признаку «внутреннее – внешнее»: интерорецепции (или ауторецепции) и экстерорецепции.
- 4) По уровням передачи правового опыта: «вертикальная» (разноуровневая) и «горизонтальная» (одноуровневая) рецепция.
- 5) По охвату заимствований: тотальная (полная) и частичная рецепция.
- 6) По видам трансформации правового опыта: «чистая» (не измененная) и трансформированная, реинтегрированная (измененная в системе-реципиенте) рецепция; а также идеализированная, тотальная, синтезированная.
- 7) По видам образцов заимствования: доктринальная (концептуальная) и прикладная рецепция.
- 8) По наличию или отсутствию связи с последним (предшествующим) этапом развития государства и права: рецепция, взаимосвязанная и не взаимосвязанная с последним этапом развития правовой системы страны.
- 9) В целом, по наличию или отсутствию преемственности с отечественным правовым опытом: традиционная (преемственная) и антитрадиционная (не преемственная) рецепция.

10) По соответствию или несоответствию рецептов отечественному правовому опыту: адекватные и неадекватные рецепты.

В целом можно отметить, что далеко не все рецепты осуществляются в русле традиций отечественного (для данной страны) права. При этом традиционными для страны можно считать такие виды рецептов, как: отечественная (классификация 1); взаимосвязанная с последним этапом развития (классификация 8); традиционная как преемственная (9); адекватная традициям (10).

Другие же классификации (2–7) также могут, как соответствовать традициям правовой культуры и правовой системы страны-реципиента, так и быть антитрадиционными. Это значит, что одни виды и группы рецептов могут укреплять правовые традиции страны, ее конституционализм, правовую систему в целом. Но в то же время многие другие рецепты могут оказаться антитрадиционными, то есть, или ослаблять отечественные традиции, или деформировать их, или даже разрушать традиции, культуру, конституцию и в целом устойчивость, сбалансированность правовой системы страны-реципиента.

В связи с разным, в том числе, полярным отношением, отдельных видов рецептов к традициям страны, в завершающей части нашей статьи будут специально рассмотрены вопросы традиционализма, антитрадиционализма и их связи с правом России.

А пока отметим ряд актуальных вопросов о том, каким образом, в процессе рецепторства, стране-реципиенту, в том числе Российской Федерации, можно все же сохранить собственную правовую гармонию, социальную силу страны, суверенность и действенную силу своей Конституции, создать условия для развития и процветания родного государства.

В решении данных вопросов очень многое зависит от анализа того, какие страны и почему являются правовыми донорами, какие воздействия на

страны-реципиенты они могут оказывать и в чьих интересах осуществляются процессы рецепции – донорства.

Также для нас важно определить, как соотносятся между собой правовые рецепции и конституционные рецепции. Важность конституционных рецепций заключается в том, что при их воздействии на Основной закон той или иной страны могут изменяться существенные характеристики Конституции, вплоть до изменения смысла и содержания конституционного строя государства.

По нашему мнению, общее соотношение правовых и конституционных рецепций соответствует соотношению категорий целого и части, где правовые рецепции отражают целое в изменяющейся правовой системе, а конституционные рецепции – их часть. Из этого следует, что все полученные выше выводы вполне применимы и к конституционным рецепциям российского права и конституционализма.

Но в то же время следует подчеркнуть, что конституционные рецепции обладают несомненной спецификой, которую необходимо учитывать как в теории вопроса, так и на практике. Главная особенность конституционных рецепций состоит в том, что они существенные: отражают (преимущественно в преамбулах конституций) главные идеи существования страны, основную правовую и общую идеологию государства, ее связь с социально-культурными традициями народа этой страны, а также общие принципы государственного устройства, организации власти и управления страной. Конституция страны, с общесистемных позиций, – это управляющее и организующее «ядро» всей правовой системы страны (шире – всего социума), а остальная часть правовой системы в системном подходе обозначается как «периферия, зависящая от ядра». Поэтому ясно, что от содержания, качества и количества конституционных рецепций во многом зависит организация всей правовой системы и в итоге – настоящая и будущая судьба страны-реципиента.

Иными словами, конституционные рецепции сущностные. Они способны воздействовать на всю правовую систему страны, трансформируя право и жизнедеятельность всей страны в том или ином направлении. Именно поэтому к конституционным рецепциям необходимо относиться с особым вниманием, осторожностью, с обязательной социальной проверкой нововведений, особенно на предмет их традиционности (охраняющей и сохраняющей суверенитет страны) или антитрадиционности (когда ослабляется или даже утрачивается суверенитет государства, страны-реципиента в составе международных сообществ).

Социальные процессы правового рецепторства и правового донорства.

А теперь, на основе изложенного материала, *обратимся к диалектике социально-правовых процессов и отражающих их понятий*, на которые пока только начинают обращать свое пристальное внимание специалисты. Мы согласны с теми исследователями (С.В. Ткаченко, А.И. Дудко и др.) которые акцентируют внимание на разнообразном характере отношений стран-доноров и стран-реципиентов (что было указано выше), на их разные роли в процессах донорства-рецепторства, на разнообразие целей и результатов этого взаимодействия. К уже приведенным по этому поводу мнениям ученых, добавим собственные рассуждения.

Еще раз обратимся к характеристике понятий таких процессов, как правовое донорство и правовое рецепторство. Полагаем, что правовое донорство – это диалектический социально-правовой процесс, в котором одна страна (страна-донор), или международно-правовое сообщество как донор, передает другой стране (странам) определенные элементы (юридические нормы, статьи), идеологические компоненты и установки (для конституций стран), части законов и пр., чтобы осуществить изменения правовых систем стран-реципиентов для реализации каких-либо собственных целей (донора).

Соответственно, процесс правового рецепторства, как отмечалось выше, можно определить как совокупный процесс использования рецепций в правовой системе той или иной страны – в ее конституции, конституционализме, в идеологии страны, в отраслевых законах и других правовых документах, в знаниях по истории и теории права соответствующих стран, которые в совокупности изменяют, трансформируют социально-правовую систему страны-реципиента в разнообразных направлениях, в соответствии с воздействием или при взаимодействии с правовым донором.

Далее появляется необходимость определения парных диалектических понятий стран-доноров и стран-реципиентов в социально-правовой сфере. Соответственно, охарактеризуем диалектические понятия правового донора и правового реципиента.

Правовой донор – это страна, которая имеет какое-либо преобладание над другими странами (выступающими в качестве реципиентов), в результате чего он способен воздействовать на более слабые или зависимые страны, изменять, трансформировать их в нужном для донора направлении – развивающем, стагнирующем или разрушающем в зависимости от целей (явных или скрытых) правового донора. В социально-правовых отношениях стран «донор – реципиент» ведущую роль играет страна-донор. Для этого страна-донор должна иметь ряд качественных характеристик: 1) идеологический (концептуальный, религиозный, прогностический и пр.) авторитет в международной среде; 2) право, моральное давление и арсенал воздействий, в том числе манипуляций, в совокупности позволяющие давать рекомендации, помогать, довлеть, насаждать, диктовать свои условия в социально-правовых отношениях с другими странами и в международной среде; 3) социальная сила разного вида; 4) логические основания концепции, обосновывающие целесообразность, необходимость и перспективность воздействия на другие правовые субъекты международной среды; 5) конкурентное донорство в отношении стран-соперников; 6) разнообразные

механизмы и способы воздействия на другие, более слабые страны; 7) возможности контролировать запущенный социально-правовой процесс правового донорства-рецепторства в стране-реципиенте. Наиболее сильные правовые доноры обладают не отдельными из указанных свойств, а их совокупностью.

Процесс такой передачи социально-правовых установок от социально-правового донора к социально-правовому реципиенту в правовых средах, хотя и с разными механизмами трансляции, можно обозначить как *правовое донорство*.

Правовой реципиент – это страна, которая воспринимает воздействия страны – правового донора, соответствующим образом изменяя (трансформируя) свою правовую систему и конституцию. В целом полагаем, что страны-реципиенты можно разделить на две основные группы: 1) несамостоятельный правовой реципиент, 2) самостоятельный правовой реципиент.

Несамостоятельный правовой реципиент – страна, которая фактически безоговорочно, по тем или иным причинам, подчиняется стране-донору и изменяется, трансформируется в соответствии с его целями, решениями, воздействиями, даже тогда, когда это идет вразрез социальным интересам страны и ее населению, когда правовые рецепции, «правовые прививки» являются антитрадиционными для страны-реципиента. В итоге такое рецепторство ставит правового реципиента под контроль правового донора. Несамостоятельный правовой реципиент – это более слабая сторона (в которой или отсутствуют собственные основания для деятельности, или недостаточно социальной силы для этого), в отношении которой передается часть так называемых правовых инноваций от правовых доноров в процессе правовых реформ.

Самостоятельный правовой реципиент – страна, обладающая достаточной степенью самостоятельности и собственной социальной силой, которая осознанно изучает, отбирает позитивный правовой опыт других

стран и международной правовой среды (которые при этом выступают как правовые доноры) и выборочно заимствует этот опыт для собственного саморазвития и совершенствования, без нарушения и разрушения традиционности своей страны-реципиента. В целом это осознанно-самостоятельная правовая рецепция, поскольку при этом страна-рецептор воспринимает новации в международной правовой и собственной правовой среде осмысленно, определяет их возможную эффективность и значимость для права и конституции страны. В случае позитивного воздействия той или иной новации на созидающие правовые процессы страны, такая новация подвергается рецепции и встраивается в право государства как новая часть, новый элемент, новый концепт, новая норма и пр., которые затем подлежат обязательному согласованию с традиционной правовой системой страны и проверке временем.

Правовое донорство.

Изучение стран-доноров, проведенное автором статьи, привело к мнению о том, что *страны-доноры* не являются однородными. По степени их воздействия на страны-реципиенты, все страны-доноры *можно разделить на несколько основных групп.*

Так, по идеологии, целям и формам воздействия, страны-доноры могут принципиально различаться. Соответственно этому, нами предлагается выделить основные типы социально-правового донорства. Это:

1) содружественное, комплементарное правовое донорство, основное содержание которого состоит в позитивном обмене наилучшим опытом государственно-правового строительства и развития, который передается стране-реципиенту, как правило, со сходными традициями и правовой культурой;

2) агрессивно-захватническое, альтернативное правовое донорство, преследующее цели усиления зависимости страны-реципиента от страны-донора или порабощения стран-реципиентов странами-донорами;

3) манипулятивное (псевдосодружественное) правовое донорство, применяется в случаях, когда открыто внедрить в правовые системы стран-реципиентов неадекватные рецепты сложно или даже невозможно в связи с рядом обстоятельств – тогда внедрение происходит обманным путем, под видом дружественного;

4) конкурентное правовое донорство в отношении, сопоставимых по силе, аналогичных стран-конкурентов, с целью сохранения лидирующего положения страны-донора в сообществе наиболее сильных, порой агрессивных государств; здесь также широко используются разнообразные методы манипуляции правосознанием, правовой и экономической политикой, идеологией стран-конкурентов (подобные формы и множественные способы воздействий, осуществляющиеся в целом на сознание человека и общества, подробно исследованы и представлены, например, в монографии С.Г. Кара-Мурзы «Манипуляция сознанием» [8]).

Соответственно выделенным типам правового донорства, осуществляются и разные виды рецептов права в странах, взаимодействующих с донорами, в результате чего происходят аналогичные трансформации элементов, частей правовых систем и конституций стран-реципиентов. То есть, социально-правовые типы содружественного, агрессивного, псевдосодружественного и конкурентного донорства со многими вариантами взаимодействий в каждом типе, в целом оказывают принципиально разное воздействие на правовых реципиентов.

Например, содружественное донорство может применяться в отношении стран, близких по идеологии и/или традициям. Оно в основном направлено на совершенствование и развитие правовой системы, конституции страны-реципиента и в целом всего государства. Его основу составляют устои традиционализма, закрепляемые содружественными отношениями стран – доноров и реципиентов, а главной целью является укрепление всей системы содружественных государств.

Напротив, когда речь идет об агрессивно-захватническом донорстве, как правило, принцип традиционализма в организации социально-правовых отношений страны-реципиента не только не учитывается, но намеренно ослабляется или даже элиминируется. Цель разрушения традиционализма страны и движения к антитрадиционализму – ослабить и в итоге подчинить себе государства-реципиенты (в правовом, экономическом, политическом, идеологическом, социокультурном, экологическом и др. аспектах). При ослаблении реципиента, страна-донор получает возможность наиболее эффективно использовать для себя разнообразные ресурсы «опекаемой советами и делами» страны, с основной целью – за счет правовой экспансии увеличить число зависимых стран и, соответственно, собственную силу и богатство страны-донора.

Манипулятивное донорство (третий тип) в своей основе содержит методы и принципы психологии манипуляции, где в отношении взаимодействующих субъектов применяются основные категории: «манипулятор» (воздействующий на партнера, открыто говорящий о преимуществах взаимодействия для партнера, а на деле, тайно, изменяющий его в нужном направлении, во вред этому партнеру – в нашем случае, это страна-донор) и «жертва» (в итоге обманутый партнер, т.е. страна-реципиент, несущий ущерб в определенном отношении, в соответствии с целью и методами манипулятора) [4, с.1]. Здесь действует закономерность: «Манипулятор и его жертва – основные роли, без которых манипуляция не состоится» [4, с. 7].

Если же осуществляется четвертый тип донорства – конкурентное в отношении стран, сопоставимых с донором по силе, то особое место в воздействиях начинают играть разнообразные манипуляции. Это, например, политико-правовые игры, мифы, постоянно собираемые и вбрасываемые компрометирующие материалы и пр. Это позволяет получить преимущества страны-донора как конкурента в соперничестве с сопоставимыми по силе странами, также идущими к международному господству, увеличить, по

сравнению с другими партнерами, число собственных зависимых стран-реципиентов, тем самым, расширяя собственную сферу влияния.

Следует отметить, что при любых типах донорства, особое место в воздействиях на страны-реципиенты занимают воздействия на их конституции. Как отмечалось, это обусловлено тем, что в общей правовой системе государства его конституция, с системных позиций, представляет особое организующее и управляющее ядро всей правовой системы. Поэтому именно конституционные рецепции позволяют изменять не только Основной закон, но также идеологию общества (через преамбулы конституций, через общие декларативные нормы и статьи) и всю правовую систему страны-реципиента в нужном для донора направлении. Таким образом, основными объектами воздействия в процессах конституционного донорства-рецепторства становятся: общая и правовая идеология, формы организации власти, формы социального управления, законодательные пути воздействия на все процессы жизнедеятельности страны-реципиента, способы воздействия на суверенитет страны, на пути и перспективы развития страны, воздействия рейтинг (на место и роль страны) в международном сообществе государств.

В зависимости от того, какие цели ставит при этом страна-донор, основные его воздействия по своим конечным результатам могут кардинально различаться. Так, при содружественном, комплементарном донорстве все отмеченные воздействия не будут идти вразрез с традициями страны-реципиента. По характеру воздействия в целом они будут укрепляющими и развивающими. При агрессивно-захватническом альтернативном донорстве общие воздействия будут антитрадиционными, ослабляюще-деградирующими в отношении потенциала страны-реципиента. В то же время, при псевдосодружественном и конкурентном донорстве (третий и четвертый типы донорства), достижение целей будет происходить, когда успешные манипулятивные воздействия ослабят реципиента – подчиняемую страну или страну-конкурента и обеспечат стране-донору

социально-правовые, финансово-экономические, природно-ресурсные и иные преимущества в конкурентно-конфликтном противостоянии с партнером.

В отношении России, по-видимому, можно констатировать наличие всех типов донорства. Это, например, определенное содружественное донорство-рецепторство со странами СНГ, с некоторыми бывшими странами социалистического лагеря. Запад, несмотря на периодически проявляющееся внешнее благожелательное отношение к России и манипулятивное (псевдосодружественное) донорство, все же фактически осуществляет в основном агрессивно-захватническое донорство (что в настоящее время ярко проявляется, например, в нарастающих обвинениях России по разным поводам и в позиционировании ее на мировой арене как «империи зла»). Однако в некоторых сферах деятельности, где Россия на международной арене действует авторитетно, в отношениях с ней может осуществляться конкурентное донорство.

Например, агрессивно-захватническое донорство характерно для воздействия на Россию блока западных стран с целью завладеть богатейшими ресурсами нашей страны. Конкурентное донорство, несмотря на современное кризисное состояние Российской Федерации, осуществляется на международно-правовой арене, поскольку до сих пор Россия по ряду международно-политических вопросов выступает как лидер. Вспомним, что еще в XX веке наша страна под названием Советский Союз была несомненным лидером на международной арене, организовала вокруг себя целую мировую систему стран социализма и была несомненной страной – содружественным донором для стран-реципиентов из лагеря социалистического содружества, а также для части неприсоединившихся стран. В то же время, СССР имел силы противостоять альтернативному мировому лагерю – капиталистических стран и осуществлять в этом отношении ряд позиций конкурентного социально-правового донорства. Но в сфере осуществления мировых финансово-экономических отношений, у

лагеря капиталистических стран с центрами в США, Великобритании и др. были преимущества и в опыте их разворачивания, и в финансовой силе, накапливавшейся не один век.

Связывая процессы недавнего прошлого с современностью, можно полагать следующее. Если Россия сегодня откажется от собственного традиционализма (часто весьма успешного) и у нее не появится реальной возможности восстановить свои суверенные позиции сильной и самодостаточной страны, то, несмотря ни на что, восстановить свой авторитет на международной арене в XXI веке ей вряд ли удастся. Под давлением агрессивно-захватнического донорства и при отсутствии адекватного сопротивления, Россия вполне может разрушиться как единое государство. В лучшем случае, Россия может претендовать на второстепенные роли зависимой страны и сырьевого придатка развитых стран в системе доминирующего сейчас западного глобализма.

Считаем, что анализируемый материал необходим для понимания сущности социально-правовых трансформаций в стране, в российском конституционализме с позиций традиционализма, с целью сохранения силы и суверенитета Российской Федерации и ее реального авторитета на современной международной арене.

Предварительные обобщения.

Прежде чем обратиться к проблеме традиционализма и антитрадиционализма в праве, сделаем предварительные обобщения изложенного материала. В первой части статьи нами рассмотрен общий процесс развития правовых и конституционных рецепций. Проанализирован исторический и современный социально-правовой процесс рецепторства. В нем выделены два основных этапа. 1. Одностороннее рецепторство: от прошлой – к исторически более поздней правовой системе. 2. Двухстороннее, диалектическое донорство-рецепторство (или рецепторство-донорство), осуществляемое в современных условиях, при котором страна-реципиент и страна-донор находятся в непосредственных взаимодействиях.

Отмечено, что в науке наиболее глубоко изучено одностороннее рецепторство (развившееся в более раннее историческое время, на первом этапе, прежде всего, это рецепции западного римского права). На этом пути исследователями получен ряд важных результатов, эффективно применяемых и к современной социально-правовой реальности. Также обоснована целесообразность дальнейшей систематизации правовых и конституционных рецепций в теоретическом и прикладном аспектах.

Показано, что исследование диалектики рецепторства-донорства (как более позднего, второго этапа рецепторства) в философии, теории права и в конституционализме еще только начинает разрабатываться исследователями. Автором данной статьи предложена нижеследующая типология донорства. Это: содружественное, агрессивно-захватническое, псевдосодружественное и конкурентное донорство. Сделан вывод о том, что в зависимости от социально-правовых позиций (разных типов) стран-доноров, а также от реакции, действия стран-рецепторов, изменения в конституциях стран-реципиентов, в их общем законодательстве и в их социально-правовом положении на международной арене также значительно различаются. В настоящее время на российский конституционализм ощущается значительное воздействие агрессивно-захватнического донорства, в меньшей степени – конкурентного донорства и весьма незначительное – влияние содружественного донорства.

Считаем, что второе направление исследований (диалектика рецепторства-донорства) является актуальным для понимания сложных и разнообразных взаимодействий современных государств. А именно, изучение диалектических процессов донорства-рецепторства в современных международных и глобальных масштабах имеет важное значение – как для общего понимания диалектики правовых и конституционных отношений в современном мире, так и для укрепления авторитета российского конституционализма путем развития его традиционных основ с учетом

необходимых трансформаций в новых условиях глобализирующегося мира XXI века.

Традиционализм и антитрадиционализм в праве.

Выше изложенное далее дает возможность обратиться к особой важной современной социально-философской и философско-правовой диалектической проблеме. Это *традиционализм – антитрадиционализм в праве*.

В связи с отмеченными процессами и закономерностями в конституционных основах разных стран встает важная проблема: определения того, что является в конституционных основах определенной страны традиционным, соответствует собственной общей и правовой культуре данной страны, а что – антитрадиционным, то есть не соответствующим или противоречащим общей и правовой культуре определенной страны.

Эти вопросы имеют особую актуальность для современного российского общества в связи с рядом кризисных явлений в конституционализме нашей страны. Не прекращающиеся внутренние трансформации российского законодательства имеют связь с глобальными переходными процессами в праве в виде нарастания рецепторства и донорства, в том числе, не адекватного для нашей страны. Отмеченные преобразования общества, правовых отношений в России, требуют их специального теоретического осмысления с использованием таких понятий, как «правовая традиция», «конституционализм», «конституционная традиция», «рецепция права», «правовое донорство», «донорство–рецепторство». Это в целом позволяет выйти на вопросы обобщающего характера – анализа смысла конституционализма в аспекте его традиционного и (или) инокультурного (как антитрадиционного) содержания. Важными исследовательскими понятиями становятся «традиционализм» и «антитрадиционализм» в праве.

Безусловно, что конституционная традиция связана с правовой традицией и с правовой реальностью как бытийной основой. Конституционную традицию, например, можно представить в качестве правовой традиции, действующей в сфере конституционного права. Обратим внимание на то, что со времени принятия Конституции Российской Федерации 1993 года прошло уже четверть века. С учетом пройденного пути представляется возможным по-новому взглянуть на некоторые аспекты отечественного конституционализма с позиций его взаимосвязи с традицией и инокультурными заимствованиями.

В аспектах, которые освещены в данной статье, мы попытаемся рассмотреть конституционализм с позиций традиционализма и антитрадиционализма. Но прежде чем углубиться в данный вопрос, определим то понятие конституционализма, которое в настоящее время является наиболее устоявшимся и на которое мы будем опираться. Укажем, что проблемой изучения конституционализма в нашей стране занимается целый ряд известных ученых: (Е.С. Аничкин, К.В. Арановский, Н.А. Богданова, С.А. Егоров, В.Т. Кабышев, И.А. Кравец, В.И. Крусс, В.М. Курицын, О.Е. Кутафин, В.И. Лафитский, Н.В. мамитова, А.Н. Медушевский, А.А. Мишин, В.С. Нерсисянц, А.Г. Пархоменко, Т.М. Пряхина, Ю.В. Пуздраг, Р.А. Романов, Л.В. Сони́на, В.В. Сорокин, Б.А. Стародубский, И.М. Степанов, В.Е. Чиркин, Д.Д. Шалягин и ряд др. специалистов) [1; 3; 7; 9–15; 21–23; 26].

Несомненно, что история конституционализма, прежде всего, связана с его появлением и развитием в западной цивилизации. Как отмечает большинство исследователей, идут два следующих взаимосвязанных процесса. 1. Появление конституций, развитие конституционного строя (изначальный, более ранний процесс). 2. Формирование конституционализма как соответствующего установленного строя и как особого учения о таком строе (более поздний онтологический и гносеологический процесс). Первый, более ранний процесс активно разворачивался в Европе, в целом с XII–XIII

по XIX–XX века. Второй, более поздний процесс формируется и развивается на основе первого в XX–XXI веках. В.Е. Чиркин пишет: «Понятия конституционализма, а позже – конституционных и базовых конституционных ценностей появились в научной литературе сравнительно недавно (сама концепция ценностей – аксиология – была разработана в философии только в начале XX в., а в конституционном праве воспринята значительно позже), но им посвящены многие научные публикации на русском и иностранном языках» [26, с.10].

На основе современных достижений правовой науки развернутое определение данного феномена представлено, например, в Юридической энциклопедии (2015): Конституционализм – 1) форма правления, политическая система, опирающаяся на конституцию, конституционные методы правления; 2) политико-правовая теория, обосновывающая необходимость установления конституционного строя; учение о конституции как основном инструменте политической власти. В широком смысле конституционализм включает следующее: согласие народа, ограниченное правительство, открытое общество, неприкосновенность личности, правовые нормы, преемственность, проведение в жизнь конституции, общественный контроль над правительством, разделение властей, федерализм, судебный надзор. Для истинного конституционализма весьма существенным является гражданское образование населения. Конституционализм в России начался с провозглашения манифеста 17 октября 1905 г. ... Манифест 17 октября явился частью Основных государственных законов, которые были приняты вскоре и стали играть роль неписаной конституции наподобие статуарного (государственного) права Великобритании [30].

В конституционализме как концептуально-практической основе современного конституционного права разрабатываются разные подходы к толкованию последнего, в том числе, с позиций его соотношения с традицией. В отношениях традиции и конституционализма существуют разные точки зрения. С одной стороны, обосновываются мнения о

необходимости формирования особого пути развития конституционализма в России, о сохранении уникальных традиций собственной (отечественной) правовой культуры в Конституции РФ. В качестве примера можно привести известную позицию В.И. Лафитского, Н. Неновски (применительно к Болгарии и России) [13; 14; 17, с.39.]. С другой стороны, приводятся позиции, согласно которым наиболее ранней, теоретически и практически разработанной является западная конституционная традиция, в связи с чем Россия должна заимствовать сегодня западную конституционную традицию, как по сути, так и посредством множественных рецепций западного права. Это, например, широко обсуждаемая позиция К.В. Арановского, Г.В. Швекова [3; 28, с.16]. Промежуточный вариант – мнение о необходимости как сохранения собственных традиций, так и адаптации в отечественной традиции позитивного инокультурного зарубежного опыта. Этой позиции, например, придерживаются И.А. Кравец, А.В. Мурунова [10; 16, с.121, 125].

Считаем, что опорные промежуточные точки могут определяться по разным путям преобразований, по нескольким вариантам. Этот путь может быть: 1) традиционный (на основе правовой традиции и культуры страны); 2) новационный (с нововведениями, но на базе традиций); 3) трафаретный (по выстроенным «лекалам» глобализации или наиболее устойчивых стран); 4) инокультурный (только на базе чужого опыта как наилучшего); 5) инновационный (как принципиально новый, ранее не имевший места, например, на базе принципиально новых технологий и отношений). Описание каждого такого пути решения требует специальных исследовательских задач. Но в разнообразии этих путей можно выделить две крайние, полярные позиции: традиционный подход и в качестве его противоположности – антитрадиционный как принципиально инокультурный подход в конституционализме. В данном ракурсе исследования конституционализма можно констатировать, что пока еще в теории права, в том числе, в конституционализме использование понятия

«конституционная традиция» носит довольно обобщенный вид. Не выработано устоявшегося значения данного понятия.

В указанном смысле принципиальное значение имеет ответ на вопросы о взаимосвязи конституционализма с собственными социокультурными, традиционными, или же инокультурными как антитрадиционными корнями и концептами. Иными словами, или в конституционализме имеет место опора на сложившуюся традицию, традиционализм, или отход от нее вплоть до противоположности, где собственная традиция отрицается и принимается иная, инокультурная, которую мы можем обозначить как антитрадиционализм. В ракурсе данных полярных отношения далее можно довольно успешно рассматривать и разнообразные промежуточные, смежные варианты в конституционализме.

В самом общем виде акцентируем внимание на данных диалектических понятиях и дадим их краткое определение как диалектических противоположностей. Можно полагать, что с этих позиций сам конституционализм (особенно в периоды смены государственности и становления нового государственного конституционного строя) может быть в определенное время или традиционным, или антитрадиционным. Тогда отметим, что антитрадиционализм в конституционализме, т.е. «конституционализм как антитрадиционализм» – это противоположность «конституционализму как традиционализму». Иными словами, понятием «конституционализм как антитрадиционализм»; можно отразить такое направление правовых трансформаций, которое связано с отступлением от правовой культуры страны, от сложившихся отечественных конституционных традиций, с пренебрежением этими традициями и в итоге с их элиминацией.

Отход от определенной социокультурной правовой традиции может происходить, например, с помощью правовых инноваций, ранее отсутствовавших в данной правовой культуре и правовой реальности – это некие элементы, локусы правовых конструкций, из имеющейся

международной и глобальной правовой среды, от иных правовых культур, цивилизационно-культурных миров, или, возможно, что-то принципиально новое, отсутствовавшее ранее, которое еще лишь должно войти во взаимодействия с культурой и традицией перестраивающегося государства и его права. Если таких рецепций-инноваций слишком много, то они в итоге могут подорвать и даже элиминировать (уничтожить) конституционную традицию, обусловить переход к антитрадиционализму.

С указанных позиций предложим для обсуждения следующее понимание необходимых для нас терминов. *Традиция* в праве – это развитие и существование конституционализма и права в целом на основе устоев бытия данного социума, государства; то, что закономерно развилось и существует в данном социуме. *Традиционализм* – направление в познании и практике, отражающее развитие конституционализма и права в целом, на основе традиции. *Антитрадиционализм* – направление в познании и практике, связанное с отходом от традиции или с разрушением последней. Далее встает важный вопрос – или о сохранении традиционных основ конституционализма определенной страны, или же о нарушении в праве страны этой традиционности, иными словами, о *традиционализме и антитрадиционализме* в конституционализме страны. Тогда правомерными могут оказаться, например, такие понятия, как *конституционный традиционализм* и *конституционный антитрадиционализм*, которые требуют специального дальнейшего исследования. Промежуточным понятием может быть, например, *конституционный традиционализм с оптимальными нововведениями* (в том числе, инокультурного характера, но без утраты собственной традиционной идентичности).

При изучении литературы для разработки данного вопроса нами найдены интересные подходы. Приведем примеры. Известный зарубежный исследователь в области теоретической социологии П. Штомпка анализирует исторически устоявшиеся нормы социальной жизни как традиции, которые во многом определяют «аксиоматику социальной жизни». В своей

монографии «Социология социальных изменений» [29], в разделе «Традиционализм и антитрадиционализм» П. Штомпка пишет следующее. «Будучи столь же обычным, сколь и важным явлением, традиция неизбежно порождает ростки метаэволюций, причем в большинстве случаев отношение общества к традиции как таковой находит отражение в различных теориях о ее социальной роли. Амбивалентность, присущая традиции, которая... часто функциональна, но часто и дисфункциональна, с непреложностью ведет к противоборству мнений. Четко сформулированные идеологии и состояния общественного мнения, благосклонно относящиеся к традиции, объединяются названием «традиционализм»; а отрицающие их – «антитрадиционализм». Можно предположить, что в периоды динамичного, экспансивного и успешного социального развития интерес к традициям ослабевает... Период стагнации или кризиса – экономического, политического, культурного – немедленно оживляет традиции. В трудные времена люди обращаются к опыту предков, ищут убежища от повседневных тревог и забот в прошлом. Возрождаются традиции...» [29, с.136].

Отечественный правовед В.В. Сорокин в книге «Юридическая глобалистика» (2010) в разделе о постмодернистской юриспруденции на пути глобализации мира, выделяет особый подзаголовок: *1. Антитрадиционализм*. [23, с. 70-73]. Ученый представляет важный для юридического познания подзаголовок работы и термин «антитрадиционализм», хотя и не дает этому термину специального определения. Однако в своей работе он подробно обосновывает противоположность взглядов определенных социальных и правовых культур (и традиций), в частности, отечественной Традиции и западной Традиции в ее новейшем, с конца XX века, варианте (западной либерально-правовой традиции, в том числе, постмодернистского толка).

В целом о специфике разных социокультурных форм конституционализма пишут как отечественные, так и зарубежные ученые. Например, широкий анализ позиций отечественных ученых о конституционализме и о специфике российского конституционализма

представлен в исследованиях О.Е. Кутафина, а также в материалах серии конференций, посвященных его имени, в Московском государственном юридическом университете им. О.Е. Кутафина – «Кутафинские чтения» и др. [12; 9 и др.]. В частности, ученый глубоко проанализировал труды известных современных российских специалистов в области конституционализма – К.В. Арановского, Н.А. Богдановой, В.Т. Кабышева, И.А. Кравца, В.И. Крусса, А.Н. Медушевского, В.С. Нерсисянца, А.Г. Пархоменко, Т.М. Пряхиной, Ю.В. Пуздрага, Р.А. Романова, Л.В. Сониной, И.М. Степанова и др.

О.Е. Кутафин выделил и сгруппировал разные мнения отечественных специалистов по поводу конституционализма и выделил среди них основные. Это: 1) акценты на системы ценностей, воплощаемых в конституциях; 2) мнение о конституционализме как о политической системе, о системе правления, о политико-правовом режиме реально действующей конституции; 3) особая важность практической организации и реализации конституционализма; 4) опора на конституционную традицию и понимание ее сути; 5) исследование многообразия форм конституционализма [12].

Укажем, что для отечественной российской традиции конституционализма характерны свои несомненные и очень важные особенности. Это в частности: 1) духовно-нравственная компонента и традиция в государственном управлении, в том числе конституционном (что составляет оппозицию бездуховной капитализации социума); 2) реальный дуализм государственного управления в Российской империи еще вплоть до начала XX века, сочетающий монархическую и выборную власть; 3) принципиально новый в мировой практике конституционализм Советской России и СССР, однако сохранивший традиции коллективного бытия, общего дела, народовластия, развитого самоуправления на местах и др. – при видимом отрицании прошлого «эксплуататорского имперского» режима царской России. Все это в совокупности дает полное основание солидаризоваться с теми отечественными учеными, которые утверждают следующее. Это наличие особого типа российского конституционализма,

который своеобразно появлялся, развивался, приобретал, безусловно, специфичные формы (например, советский конституционализм), причем, такие формы в качестве образца социально-государственного управления могли широко распространяться в форме правового донорства на другие страны.

Западные конституционалисты, напротив, занимают четкую позицию о безусловной приоритетности западной традиции конституционализма. Они доказывают верность и важность западного смысла ее содержания также и в международном праве. Западные ученые обычно пишут о западном конституционализме, как об изначальном движении, теории, доктринах, развивавшихся, однако, в специфичных формах во Франции, Англии, США и др. странах. Среди современных авторов в этой области можно назвать французских ученых (Ф. Амон, Ж. Жиккели, Ж.-Э. Жиккели, М. Тропе, А. Шайо), английских правоведов (Х. Барнетт, Дж. Олдер), американских специалистов (В.С. Джексон, М. Ташнет и др.) [7; 11; 14; 16; 21; 22; 27; 31–36].

Значимость исследования конституционализма в современном мире с позиций традиционализма и антитрадиционализма, по нашему мнению, нарастает еще и в связи с тем, что сам конституционализм, по мнению ряда западных ученых, на рубеже XX–XXI веков входит в сложное состояние кризиса и требует переосмысления, в том числе, неких основополагающих позиций – сомнений в смысле безусловной глобальной значимости лишь западного конституционализма. Об этом идет речь в трудах таких западных специалистов, как М. Камм, Д. Валадес, П. Добнер, Г. Тебнер и др. [21, с.5-9, 30-41, 107-146.]. На данные проблемы обращают пристальное внимание и отечественные ученые, в частности, при обсуждении 20-летнего юбилея Конституции Российской Федерации – Е.В. Алферова, И.А. Умнова, Е.С. Казак и др. [21, с. 160-187]. Так, Е.В. Алферова, анализируя труды западных ученых, в том числе очень показательную в этом отношении книгу английских ученых «Сумерки конституционализма?» (2010) [36], отмечает,

что западные специалисты, исследуя 250-летний путь конституционализма на Западе, приходят к довольно странному выводу... мощное развитие западного конституционализма, его воздействие на весь цивилизованный мир, его современный триумф. И в то же время... его кризис и возможный упадок. В частности, об этом пишет М. Камм в статье «Лучшие и худшие времена. Между триумфом конституционализма и ностальгией» [21, 169-176]. М. Камм отмечает, что триумф западного конституционализма XX века заключается в том, что его идеи воплощены в большинстве конституций современных стран мира. Однако просматривается и несомненный упадок авторитета его идей. «Комбинация триумфа и упадка стала причиной того, что дискурс по поводу конституционализма обрел в последнее время новое дыхание» [21, с. 5].

Заключение.

Таким образом, при исследовании вопросов конституционной традиции в аспекте конституционного традиционализма и конституционного антитрадиционализма, для нас важно акцентировать внимание на следующих суждениях:

1. Конституционализм одновременно и универсален, и специфичен.
2. Традиции разных культур, народов, стран могут быть не только сходными, но и противоположными, порой несопоставимыми. Но если такая традиционная антитетичность (полярность) существует, значит, ее необходимо выявлять и изучать.
3. Существует, по крайней мере (более ранний) западный и (более поздний) российский конституционализм как особые культурно-исторические и культурно-правовые традиционные типы (хотя можно говорить и об иных типах).
4. Следовательно, можно вести речь о традиционном конституционализме, представляющем собой *конституционный традиционализм* (для определенной страны, государства, соответствующей правовой культуры) и об иной традиции конституционализма (иных стран и

культур), которые принципиально отличаются от первой или даже противоположны первой (традиционной) и в отношении могут быть обозначены как *конституционный антитрадиционализм*.

Итак, обобщая материал, изложенный в статье, укажем, что в настоящее время в социальной философии, в философии права и в правоведении существует ряд актуальных теоретических проблем, связанных с изучением диалектики правового рецепторства и правового донорства, традиционализма и антитрадиционализма в праве. В практическом аспекте, исследование данных вопросов позволяет понять сущность многих конституционно-правовых реформ в нашей стране и их разностороннее воздействие на жизнь населения в современной России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аничкин Е. С. Конституционное законодательство Российской Федерации: причины, типология случаев и пределы неоднородности. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 194 с.
2. Аничкин Е. С., Кокина М. Н. Виды рецепции в Российском конституционализме // Евразийский юридический журнал. – 2015. – №5(84). – С.125-127.
3. Арановский К. В. Конституционная традиция в российской среде. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 658 с.
4. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо, Изд-во МГУ, 1997. – 344 с.
5. Дудко А. И. Рецепция в конституционном праве: понятие и классификация // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 5. – С.5-7. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/40533-recepciya-konstitucionnom-prave-ponyatie-klassifikaciya>
6. Дудко А. И. Рецепция в конституционном праве России. Дис. на соиск. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. – Челябинск: ЧелГУ, 2010. – 176 с.
7. Егоров С. А. Конституционализм в США: политико-правовые аспекты / отв. ред. А. А. Мишин. – М.: Наука, 1993. – 195 с.
8. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М.: Алгоритм, 2000. – 464 с.
9. Конституционализм и правовая система России: итоги и перспективы. Мат-лы V Межд. науч.-практ. конф. «Кутафинские чтения» (2013 г.): Сб. докл. МГЮА. – М.: Проспект, 2014. – 216 с.
10. Кравец И. А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики). – М.: ЮКЭА, 2002. – 362 с.

11. Курицын В. М., Шалягин Д. Д. Опыт становления конституционализма в США, Японии и Советской России. – М.: Трикста: Акад. Проект, 2004. – 496 с.
12. Кутафин О. Е. Российский конституционализм. – М.: Норма, 2008. – 544 с.
13. Лафитский В. И. О правовом наследии России и его возрождение в борьбе за право. – М.: Юстицинформ, 2018. – 108 с.
14. Лафитский В. И. Сравнительное правоведение в образах мира. Том первый. – М.: Статут, 2010. – 429 с.
15. Мишин А. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учебник для вузов. 17-е изд. – М.: Статут, 2013. – 520 с.
16. Мурунова А. В. Правовые традиции России и Запада: сравнительно-правовой анализ // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2011. – №5. – С.120-126.
17. Неновски Н. Преемственность в праве / Пер. с болг. Сафронов В. М. – М.: Юрид. лит., 1977. – 168 с.
18. О международных договорах Российской Федерации: Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 12.03.2014) // Собрание законодательства РФ. – 17.07.1995. – № 29. – Ст. 2757.
19. Паршкова Н. Н. Определение преемственности в рецепции права: общетеоретический аспект / Современная юриспруденция: тенденции развития: Мат-лы междун. заоч. науч.-практ. конф., 2012 г. – Новосибирск: ЭКОР-книга, 2012. – С.12-15.
20. Рыбаков В. А. Рецепция права: проблемные вопросы // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2008. – №3(16). – С. 57-62.
21. Современный буржуазный конституционализм в теории и на практике: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Б. А. Стародубский. – Свердловск: СЮИ, 1985. – 103 с.
22. Современный конституционализм: теория, доктрина и практика: Сб. науч. тр. – М.: ИНИОН РАН, 2013. – С.5-9, 30-41, 107-146.
23. Сорокин В. В. Юридическая глобалистика. – Новосибирск: НГТУ, 2010. – 916 с.
24. Ткаченко С. В. Рецепция Западного права в России: проблемы взаимодействия субъектов: монография. – Самара, 2009. – URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc108p0/instrum6978/item6985.html>
25. Ткаченко С. В. Рецепция права: идеологический компонент: – Самара: СамГАПС, 2005. – 193 с.
26. Чиркин В. Е. Базовые ценности конституционализма в XX веке / Современный конституционализм: теория, доктрина и практика: сб. науч. тр. – М.: ИНИОН РАН, 2013. – С.10-29.
27. Шайо А. Самоограничение власти. Краткий курс конституционализма. – М.: Юристъ, 2001. – 292 с.
28. Швеков Г. В. Преемственность в праве. – М.: Высшая школа, 1983. – 184 с.

29. Штомпка П. Социология социальных изменений: Пер. с англ. / Разд. Традиционализм и антитрадиционализм. – М.: МИР, 1996. – 416 с. – URL: www.socioline.ru
30. Юридическая энциклопедия. 2015. – URL: https://yuridicheskaya_encyclopediya.academic.ru/4616
31. Allan, Trevor R S. Law, liberty, and justice: The legal foundations of Brit. constitutionalism. – Oxford: Clarendon press, 1993. – 294 p.
32. Bork, Robert H. The tempting of America : The polit. seduction of the law. – New York: Free press; – London: Collier Macmillan, Cop., 1990. – 432 p.
33. Constitutionalism in the approach and aftermath of the Civil War. – New York: Fordham university press, 2013. – 288 p.
34. European constitutionalism beyond the state / Ed. by J. H. H. Weiler a. Marlene Wind. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2003. – 244 p.
35. Roche, John P. Shadow and substance : Essays on the theory a. structure of politics. – New York: Macmillan; – London: Collier-Macmillan, Cop., 1964. – 468 p.
36. The Twilight of Constitutionalism? – Oxford: Oxford univ. press, 2010. – 352 p.
-

M. N. Kokina

Siberian Federal University,
Krasnoyarsk, Russia

THE DIALECTIC OF RELATIONS OF RECEPTION – DONATION IN LAW, TRADITIONALISM - ANTI-TRADITIONALISM IN THE LEGAL SYSTEMS OF COUNTRIES AND THE PROBLEMS OF CONSTITUTIONAL CHANGES IN MODERN RUSSIA

The article from the socio-philosophical and philosophical-legal positions examines the issues of social and legal receptions, i.e. borrowing a law. It is shown that their wide study requires studying the dialectic of relations: on the one hand, the effects of a legal donor (from one legal system), and on the other hand, the existence of a legal recipient (in another legal system that perceives any elements of law from a legal donor). On the whole, a dialectic social and legal process is carried out: “legal reception - legal donortion”. The specifics of this process are also defined: when it operates within the same legal tradition; when acting within different legal traditions. In this connection, the problem of traditionalism - anti-traditionalism arises in relation to the dialectic of legal reception processes - legal donortion. In the Russian Federation, starting from the 90s of the twentieth century, legal reforms are constantly taking place, including with a significant number of legal receptions. Some of these legal borrowings can be considered positive, and some - stagnating and even distorting the traditional Russian legal system. Therefore, there are topical theoretical and practical issues of research of legal reception–donortion processes in the Russian Federation from the standpoint of traditionalism and anti-traditionalism in law.

Key words: reception in law, legal reception, legal donortion, traditionalism and anti-traditionalism in law.

Поступила в редакцию 24 июня 2019

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ АНТРОПОЛОГИИ

УДК 1(09)

А.В. Винобер

Фонд поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора
«Сибирский земельный конгресс», Иркутск, Россия

**12 ПЕРСОН РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ (ВТОРАЯ ГАЛЕРЕЯ):
ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ ТРАКТАТ**

Настоящая статья есть публикация вышеназванного историко-философского трактата. Структура трактата состоит из введения и 12 глав. Каждая глава включает семь постулатов. Текст трактата представляет собой выборочные фрагменты философского наследия 12 персон русской философии и комментарии автора к ним (выбор персон и фрагментов носит субъективный и ситуативный характер): П.Я. Чаадаев, П.А. Кропоткин, В.С. Соловьев, Л. И. Шестов, Л.И. Петражицкий, Н.О. Лосский, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, А.Ф. Лосев, Г.П. Щедровицкий, М.К. Мамардашвили.

Ключевые слова: персоны русской философии, историко-философский трактат, история философии.

Введение

В-1. Любой наш выбор, и в жизни, и в философии, закономерно субъективен и относительно случаен.

В-2. Можно сказать: русская философия похожа на птицу, израненную на взлете, но испытавшую чудо пронзительного полета мысли.

В-3. Октябрьская революция 1917 года и последовавшая Гражданская война разделили русскую философию на две неравные и очень различные по содержанию части.

В-4. В конце 80-х и 90-е годы XX века страна Россия (её мыслящая часть населения) открыла для себя феномен русской философии. Но степень открытия и её последствия – до сих пор остаются неясными по своему значению и глубине проникновения.

В-5. Русская философия – это удивительный и масштабный пантеон дерзания мысли на почве евразийского этноса, который во многом остался недоступен для серьезного внимания мировой философии.

В-6. Опыт проникновения в ушедшие миры философского мышления – это наш субъективный шанс миропостижения.

В-7. Не вершить приговор, пытаясь расчленив на «измы» мысль живую, но просто приоткрыть завесу пролетевших лет, и разглядеть в неярком свете галерею, где замерли портреты 12 персон бессмертной мысли...

Глава 1. Петр Чаадаев. Первый модернизатор русского самосознания.

- 1.1. Чаадаев Петр Яковлевич (1794-1856). Русский мыслитель, публицист, участник Отечественной войны (1812 года). Нельзя сказать, что Чаадаев был объективно первый философ и мыслитель в России. Были яркие имена и ранее его появления на стратосферном горизонте русской мысли. Но как явление публичного резонанса в первой половине XIX века во времена романовского абсолютизма – Петр Чаадаев – безусловно первый и самый яркий. Да и судьба к нему была местами благосклонна. Он мог бы угодить в далекие сибирские казематы, будучи сторонником декабристской идеологии, но уехал за границу, и во время пребывания в Европе в 1824-25 годах имел значительный круг общения с европейскими философами, мыслителями и мистиками (в частности, с Шеллингом). И вернувшись в Россию, к 1829-30 годам уже обрел особенное философско-историческое мировоззрение. Коим рискнул поделиться с просвещенной публикой. В результате чего вышел указ императора Николая I, и Чаадаев был объявлен сумасшедшим и взят под надзор.
- 1.2. Философское видение П. Чаадаева, отраженное в «Философических письмах» и «Апологии сумасшедшего» не является строгой и законченной философской системой (как любят об этом говорить просвещенные кафедральные философы), но в нем – истоки будущего всеединства русской философии, глубокий религиозный поиск и предельно обостренные размышления о судьбе России.
- 1.3. Может быть, Чаадаев впервые озвучил идею всенародной цели, что ставит Провидение перед русским народом и обозначил его самобытный потенциал, который дремлет в ожидании грядущего прозрения.

- 1.4. Испытывая заметное влияние католицизма и духовных поисков европейских мыслителей, Чаадаев говорит о религиозном единении, религиозном синтезе, преодолении разногласий между католицизмом и православием, отражая стремление к духовному и социальному единению России и Европы.
- 1.5. Неоправданные или неоправдавшиеся мечты о перенесении на российскую почву опыта западноевропейских стран, той социальной жизни, что основана на идеях долга, права, справедливости и порядка, посредством образования и нравственного воспитания русского общества – это главный идеальный стержень, вокруг которого бьется мысль философа.
- 1.6. Мысли и тексты Петра Чаадаева оказали яркое влияние на последующее развитие русской религиозной и социальной философии – они будут одинаково заимствованы как «славянофилами», так и «западниками».
- 1.7. Одна из главных мыслей Петра Чаадаева – о необходимости модернизации русского национального самосознания посредством осознания своей исторической миссии в стремлении к религиозному единству.

Глава 2. Петр Кропоткин. Идеальный анархист.

- 2.1. Петр Алексеевич Кропоткин (1842-1921). Русский князь, мыслитель, идеолог анархизма, демократ, ученый и путешественник. Глубокая трансформация сознания у Петра Кропоткина произошла в годы службы в Иркутске. Там берут начало его будущие идеи свободы и демократии. Там он состоялся как самобытный исследователь природы. Собственно, потомок древнего княжеского рода, Петр Кропоткин – одна из ярчайших персон русской истории. Чрезвычайно одаренный и трудолюбивый, он оставил научный след не только в геологии и гляциологии, но и в теории политики, истории, философии, социологии, географии, в этике и политэкономии. Политические и философские взгляды Петра Кропоткина

получили распространение во всем мире, и являются актуальными по сей день. И конечно, не вина Кропоткина в том, что в российской истории его последователи – анархисты – оказались избыточно революционны при существенной интеллектуальной ограниченности.

- 2.2. Историки утверждают, что в своем философском становлении П. Кропоткин испытал влияние теоретических произведений Прудона, Бакунина, Канта и Спенсера. Вероятно, они обнаружили в его текстах нечто родственное перечисленным ученым и революционным деятелям. Скорее можно сказать, что Кропоткин испытал влияние эпохи, в которой и появилась его теория анархического коммунизма, скорее рассчитанная на просвещенную публику, чем на маргинальных радикалов, впоследствии исповедовавших этот анархический коммунизм в своей революционной деятельности.
- 2.3. В теоретических построениях Петра Кропоткина, на наш взгляд, доминирует безудержный идеализм на гранях радикального утопизма. В первую очередь в том, как можно по желанию людей стремительно изменять общество в нужном направлении.
- 2.4. Этика П. Кропоткина – этика консолидации личного и общественного. Этика минимально регламентированного общества, с ориентацией на максимальную реализацию потенциала каждой личности.
- 2.5. Фундамент и каркас учения Кропоткина – освобождение общества от власти и авторитетов посредством создания независимых автономных общин производителей (трудящихся) – свободная федерация анархических коммун, ориентированных на взаимопомощь и сотрудничество.
- 2.6. Вернувшись в Россию в 1917 году, П. Кропоткин не принял диктатуру пролетариата и практику марксистов-революционеров.
- 2.7. Многие идеи, сформулированные и высказанные Кропоткиным, являются значительными достижениями человеческой культуры. В частности, это идеи о местном самоуправлении и местной инициативе, о

минимизации государственного централизма, о кооперации, солидарности и взаимопомощи.

Глава 3. Владимир Соловьев. Философ всеединства и духовного освобождения.

- 3.1. Владимир Сергеевич Соловьев (1853-1900). Русский философ и поэт. Уже при жизни был загадочной личностью с ярко выраженными мистическими увлечениями. Предшественник русского символизма и самый значительный автор русской религиозной философии XIX века.
- 3.2. Владимира Соловьева считают первым русским философом, создавшим оригинальную категориально-понятийную систему, ярко самобытную и универсальную, на уровне лучших западных философских систем.
- 3.3. Универсальный синтез, местами изрядно пропитанный средневековой мистикой, поражал современников глубиной собственного самостоятельного видения философской, социальной и религиозной проблематики.
- 3.4. Два краеугольных камня философии Вл. Соловьева – учение о всеединстве и учение о богочеловечестве – своеобразный синтез платонизма и средневековой философии и мистики. Учение о всеединстве родственно идеям Чаадаева и Кропоткина, как завершение конструкции русского религиозного идеализма XIX века.
- 3.5. Мистическо-теологические моменты универсального синтеза Вл. Соловьева всегда органически взаимодействовали с нравственными элементами и нравственными максимами, стремлением к созданию разумной христианской православной философии.
- 3.6. Глубину практической этики Соловьева можно убедительно проследить в серии очерков о праве и нравственности, где философ выступает с позиции юридического реализма и прагматизма, формулируя свое этическое кредо в афоризме об уголовном праве: «Задача права вовсе не в

том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царствие Божие, а только в том, чтобы он до времени не превратился в ад».

- 3.7. Основную мысль философско-духовного творчества В. Соловьева о том, что философия это прежде всего свобода и духовное освобождение, во многом унаследовал и развил выдающийся русский философ первой половины XX века Николай Бердяев. Влияние личности и творчества Соловьева на современников и всех русских философов первой половины XX века переоценить невозможно.

Глава 4. Лев Шестов. Философ откровения и веры.

- 4.1. Лев Шестов (Лев Исаакович Шварцман) (1866-1938). Русский религиозный философ. В 1920 году эмигрировал из России. С 1921 года – в Париже. Общался с Н. Бердяевым, спорил и критиковал Э.Гуссерля. Ярko выраженный полемический сократический стиль его произведений.
- 4.2. Шестов утверждал, что философия не является строгой наукой, а скорее – борьба и искусство изображения жизни, полной проблем и тайны. Дело философов – стремление к неведомому и постижение тайны.
- 4.3. Важное значение придавал наличию веры и считал её особым измерением мышления. Утверждал парадоксальность и абсурдность веры.
- 4.4. В своих суждениях обладал большой степенью автономности и независимости от философских школ и течений. Говорил о невозможности научно достоверного представления мироздания.
- 4.5. Временами называл себя религиозным экзистенциалистом, говоря о трагичности человеческого существования. Критично относился к претензиям научного познания и рационализма.
- 4.6. В работе «Апофеоз беспочвенности» утверждал мысль о преодолении самоочевидного и общеобязательного, усматривая истину в единичном и неповторимом.

- 4.7. Наиболее близким к себе считал философа XIX века С. Кьеркегора. Утверждал, что последние истины открываются сознанию наедине с собой под покровом тайны индивидуального бытия.

Глава 5. Леон Петражицкий. Философ нравственного права.

- 5.1. Лев Иосифович Петражицкий (1867-1931). Русский философ, правовед, социолог. Основатель психологической школы права. После 1917 – в эмиграции в Варшаве. Среди его учеников – Питирим Сорокин, Георгий Гурвич, Николай Тимашев. Автор единственной российской теории права, получившей всемирное признание.
- 5.2. Психологическая теория права Л. Петражицкого – явление уникальное в отечественной и мировой юриспруденции. Самая убедительно-обоснованная теория интуитивного и естественного права, намного опередившая своё время. Достаточно сказать, что американская и французская социологии права вышли из теории и школы Л. Петражицкого.
- 5.3. В своей теории Петражицкий исходит из постулата, что человеческая деятельность – есть функция психики и что существуют только психические процессы, а остальные социальные образования являются лишь их внешними проекциями. Основная регуляция поведения задается в сфере индивидуального психического самосознания, так как представления человека о государстве и нормах права существуют независимо от самого государства.
- 5.4. Петражицкий исходил из задачи возрождения естественного права как науки о правовом регулировании человеческого поведения. Основные задачи политики права Л. Петражицкий определял двумя направлениями: 1) регуляция индивидуального и коллективного поведения через правовое воздействие 2) совершенствование человеческой психики, её очищение от антисоциальных склонностей.

- 5.5. Духовно-нравственное совершенствование общества Л.Петражицкий определял как культивирование человеческого в человеке, развитие его правового сознания и рационального поведения. Право – это продукт социальной среды, оказывающей сильное влияние на формирование самой среды.
- 5.6. Позитивное право отталкивается от авторитета государства, а право естественное, интуитивное имеет психологическую основу, определяющую права, свободы и обязанности граждан.
- 5.7. Психологические эмоции не только удостоверяют власть, но и создают само явление власти, делая возможным возникновение позитивного права. При современном уровне доминирования и самодавления позитивного права, практически не снижающего уровень криминогенности в государстве и обществе, идеи и теория права Л. Петражицкого становятся чрезвычайно актуальными.

Глава 6. Николай Лосский. Интуитивист и метафизик.

- 6.1. Николай Онуфриевич Лосский (1870-1865). Русский философ. В 1922 году выслан из России. Автор системы «идеал-реализма», основанной на принципе имманентности всего всему. Религиозный философ, был близок метафизике В. Соловьева и утверждал в качестве абсолютной ценности характер безусловного добра.
- 6.2. В Царстве Божием деятели освобождаются от материальности и приобретают духовно-преображенное тело, совершая свободу действий. Таким образом: достигается взаимопроникновение индивидуального и вселенского бытия.
- 6.3. Основой единства системы мира является Бог, как свободный от мира сверхкосмический принцип, всеобщая норма творчества деятелей.
- 6.4. Деятель сам детерминирует события. Свобода выбора и бесконечная творческая сила для осуществления абсолютных ценностей. Ценность, по

Лосскому, есть организованное единство существования и смысла, определяющего наше отношение к абсолютной полноте жизни.

- 6.5. Учение Лосского - онтологический имманентизм, названный им интуитивизмом или мистическим эмпиризмом, утверждает о непосредственной данности объектов знания. Знание есть не копия, не символ, но сама действительность, сама жизнь.
- 6.6. Интуитивизм Лосского мало созвучен с интуитивизмом Бергсона, но с некоторой долей условности его можно рассматривать как православную философию жизни или как интуитивно-мистический натурализм, увлеченный в идеально-теологические миропостроения.
- 6.7. Н.О. Лосский прожил долгую и яркую жизнь в философии. Собрание сочинений, возможно, когда-то появится в России (как обычно «лучше поздно, чем никогда»). И, возможно, придет опоздавшее осознание масштаба философской системы Н.О. Лосского.

Глава 7. о. Сергей Булгаков. Творец христианского социализма.

- 7.1. Сергей Николаевич Булгаков (1871-1944). Сын священника, увлекшийся нигилизмом и окончивший юридический факультет университета, написавший книгу о рынке (с марксистских позиций), в возрасте около 30 лет снова возвратился к православной вере. Возможно, под сильным влиянием Л.Н. Толстого и философа В. Соловьева. В 1918 году принимает священнический сан. С 1923 года – в эмиграции. Декан и профессор догматики русского богословского института в Париже.
- 7.2. Единственная по существу философская вещь С. Булгакова – книга «Философия хозяйства» (1912). Позднее он творит как социолог христианства и богослов. «Факт хозяйства всегда возбуждал во мне философское «удивление», и проблема философии хозяйства - о человеке в природе и о природе в человеке – в сущности никогда не сходила с моего духовного горизонта, поворачиваясь лишь разными сторонами», - так утверждал философ С.Булгаков.

- 7.3. «Само знание... есть в известном смысле деятельность хозяйственная, поскольку она является трудовой... Хозяйство не существует без знания, знание есть проективная, моделирующая сторона в хозяйстве... Человек не делает ни одного шага в знании, не совершая его и в практической жизни. Хозяйство есть знание в действии, а знание есть хозяйство в идее».
- 7.4. Философия, согласно Булгакову, есть саморефлексия или логическое начало жизни, как не разгадываемой умом, а лишь переживаемой тайны бытия.
- 7.5. Религия – есть живое чувство связи органического Я с бесконечным, высшим. История должна быть понята как борьба двух градов – человекобожия и богочеловечества. Христианство, согласно Булгакову, должно понять и принять правду социализма, его претензии на полное решение проблемы социального зла в рамках истории.
- 7.6. Софиология Булгакова (процесс ософииения мира) оборачивается антропологией и рассматривает человека в качестве центра мироздания, микрокосма, соединяющего в себе относительное и абсолютное, что делает возможным как обожествление жизни, так и сатанинский соблазн самости.
- 7.7. «Философ не может не летать, он должен подняться в эфир, но его крылья неизбежно растаивают от солнечной жары, и он падает и разбивается. Однако при этом взлете он нечто видит и об этом видении и рассказывает в своей философии. Настоящий мыслитель, так же как и настоящий поэт (что в конечном счете одно и то же) никогда не врет, не сочиняет, он совершенно искренен и правдив, и однако, удел его - падение...».

Глава 8. Николай Бердяев. Поэт свободы и космической любви.

- 8.1. Николай Александрович Бердяев (1874-1948). В 1922 году выслан из России, с 1924 года – жил во Франции. Вероятно, самый известный на

Западе русский философ, известный как христианский философ и экзистенциалист. В своей последней книге «Самопознание» (1949), являющейся опытом философской автобиографии, уникальным опытом философской саморефлексии, Бердяев утверждает, что цель человека – не спасение, а творчество. Тайна творчества – есть тайна свободы.

- 8.2. Наибольший вклад в философии русской и мировой мысли определяется философскими построениями Бердяева в сфере морали. В начале человек был рабом природы – сейчас стал рабом государства, национальности, классов. Тревога и печаль по поводу неизбежности человеческого рабства пронизывают все творчество Бердяева.
- 8.3. В своей философской автобиографии, Н. Бердяев предельно откровенно высказывает смысл своих исканий: «Я искал истины, но жизнь моя не была мудрой, в ней не господствовал разум, в ней было слишком много иррационального и нецелесообразного... Я философски мыслил всю жизнь, каждый день, с утра до вечера и даже ночью... Невозможна творческая философская мысль если нет сферы проблематического, нет мучительных усилий разрешить новые вопросы, нет искания истины, которая не падает сверху в готовом и застывшем виде».
- 8.4. Будучи по существу романтиком и мало интересуясь реальностью, Н. Бердяев, мысль которого работала очень интенсивно, постоянно находился под властью своих исканий.
- 8.5. «Мне скажут, что моя вера есть философия, а не религия. Я философ и не вижу ничего унижительного для себя в том, чтобы называть философией то, что я пишу. Мне даже думается, что философская форма говорит о стыдливости. В богословии часто бывало бесстыдство... Моя философия определяется этой верой, рождается из духовного опыта».
- 8.6. «Во мне сохранилась вера в человека, в Божий замысел о человеке. Вера в человеке есть одно из выражений веры в Бога и божественное. Всякая вера, вера в истину, в смысл, в сущность, в высоту есть лишь вера в Бога».

8.7. «Старости духа нет, в духе есть вечная юность. Есть лишь старость тела и той части души, которая связана с телом... По-прежнему я думаю, что самое главное – достигнуть состояние подъема и экстаза, выводящего за пределы обыденности, экстаза мысли, экстаза чувства. Моя всегдашняя цель - не гармония и порядок, а подъем и экстаз. Мир не есть мысль, как думают философы, посвятившие свою жизнь мысли. Мир есть прежде всего и больше всего - страсть и диалектика страсти».

Глава 9. Семен Франк. Познавший душу и духовность.

9.1. Семен Людвигович Франк (1877-1950). Русский философ. В 1922 году выслан из России. Значительное влияние на творчество Франка оказала философия всеединства В.С. Соловьева.

9.2. Ф.Зеньковский утверждал, что философская система С. Франка – это самое значительное и глубокое, что мы находим в развитии русской философии и С. Франка можно без колебания назвать самым выдающимся русским философом.

9.3. В эмиграции С.Франк выступал одним из основных деятелей русского религиозного ренессанса. Его полностью захватила религиозная проблематика и метафизика человеческого существования. Многие идеи С. Франка этого времени (20-40-е годы XX в.) близки философии Н. Гартмана и М. Хайдеггера. Из русских философов наибольшая близость С. Франка с Н.О. Лосским.

9.4. С. Франк, говоря о сущности человека, отмечал, что: «человек открывается другому только в диалоге понимания, в «акте откровения». Понять другого, обрести новый внутренний опыт можно только изменяя себя самого, т.е. превращая себя в «онтологический инструмент», открывая себя самого для понимающего воздействия другого, его «акта откровения».

9.5. В предметном познании, по утверждению С. Франка, человек действует как «чистый ум», в познании духовной реальности человека действует

как личность... Человек открывает в себе идеальное бытие, выходит на предельные основания абсолютных ценностей и Бога, преодолевая собственную конечность и ограниченность. Личность, как индивидуальная неповторимость, соразмерна и сопряжена Богу, непрерывно связана с ним.

9.6. «Душа наша знает куда больше нашего разума. Интуиция – вот то «первичное знание, на котором основано и из которого вытекает отвлеченное знание». Вторичный и производный характер отвлеченного знания не лишает его, конечно, решающего значения для нашей сознательной жизни. Именно через отвлеченное знание нам открывается вневременная идеальная сфера бытия, открывается мир идей, мир наук, мир теоретической мысли».

9.7. «Государственное единство в лице патриотического сознания более всего утверждается через интимное сознание местных областных единств, через любовь к своеобразию родного города или родной области, через привязанность к местным обычаям, песням, диалекту. Всякая централизация в пределах крупных, объемлющих необозримое пространство и необозримое число людей, общественных объединений, поскольку она убивает мелкие, подчиненные общественные единства, в которых возможно интимно-личное общение, угрожает прочности и внутренней спаянности целого».

Глава 10. Алексей Лосев. Эстет. Мифолог. Символист.

10.1. Алексей Федорович Лосев (1893-1988). Русский философ XX века. Его числят часто в ряду платонистов. Платон для Лосева – критерий философской и духовной культуры. Моё субъективное восприятие как воинствующего дилетанта в философии, сложилось в 80-е годы прошлого столетия, когда А.Ф. Лосев был еще жив. Он виделся и понимался мною как реликт давно ушедшей эпохи – эпохи русской дореволюционной философии и культуры. Удивительным образом уцелевший в стихии

огненных смерчей XX века, прошедших по просторам былой России. В конце 20-х годов XX века А.Ф. Лосев издал 8 философских книг: «Философия имени», «Диалектика мифа» и др. В результате оказался в местах не столь отдаленных – на строительстве «Беломорканала». После освобождения и возвращения к интеллектуальному творчеству – пришлось вносить коррективы в тематику философских сочинений и в их содержание. А.Ф. Лосеву удалось каким-то чудом найти путеводную нить, позволившую выжить в «бурном море пролетарской философии». С конца 50-х годов им опубликовано около 400 научных работ, в том числе, 8 томная «История античной эстетики».

- 10.2. Грандиозный замысел Лосева – создание качественно нового типа философии как всеохватного символистского синтеза, где вместо традиционного членения (онтология, гносеология и т.д.), философия организуется по видам символов и сферам их применения – чем-то похоже на феноменологию Э.Гуссерля. И не только по масштабу, но и по уникальной работоспособности, производству философских текстов.
- 10.3. А.Ф. Лосев разработал свой метод – метод логико-смыслового конструирования философского предмета на основе синтеза феноменологии и диалектики – которому оставался верен на протяжении всей своей творческой жизни. Как утверждают некоторые исследователи творчества Лосева – в результате применения метода произошел своеобразный «платоново-гуссерлианский эйдос».
- 10.4. В последних своих работах А.Ф. Лосев предпринимал попытки сблизить своё философское учение с марксизмом (видимо, по настоянию господствующих в то время признанных мэтров марксистско-ленинской философии), но оригинального синтеза не получилось, вероятно потому, что «трепетную лань скрестить с конём» - это удел французского постмодерна.
- 10.5. В основе и у истоков философского метода А.Ф. Лосева (представьте себе – во времена безраздельного господства единого и всемогущего

исторического и диалектического материализма, умудриться развить свой индивидуальный философский метод!) лежали (а может быть – стояли?) новые концепции имени, символа и мифа. Удивительным образом прослеживалась генетическая связь с запрещенным имяславием и доктриной православного энергетизма.

10.6. Символ трактовался Лосевым как совершенное единство умственного и чувственного содержания. Символизмом пронизано все творчество А.Ф. Лосева – можно сказать, своеобразный айсберг, или вершина русского символизма в море однозначности философии марксизма.

10.7. Можно говорить об оригинальном понимании А.Ф. Лосевым мирового исторического процесса, которое он выразил в своей «Истории античной эстетики» и других работах, можно говорить об обилии мифологических построений и интерпретаций в эстетической герменевтике Лосева – мы ограничимся всего лишь определением личности в понимании А.Ф. Лосева: «Личность есть миф не потому, что она личность, но потому, что она осмыслена и оформлена с точки зрения мифического сознания».

Глава 11. Георгий Щедровицкий. Методолог и конструктор мысли.

11.1. Георгий Петрович Щедровицкий. Советский, российский методолог и философ. Впервые стал рассматривать методологию как особую самостоятельную сферу знания, а не составную часть философии, науки или инженерии. Позднее – сформулировал основные принципы и положения деятельностного подхода, а затем, с конца 70-х годов XX века – обосновал системо-мыследеятельностный подход (СМД).

11.2. В 1979 году Г.П. Щедровицкий предложил новую форму практикования философии и методологии – организационно-деятельностную игру (ОДИ).

11.3. Наибольшее распространение практика организационно-деятельностных игр получила в СССР в период перестройки: 1985-1991 гг.

- 11.4. Г.П. Щедровицкий о психологии: «Психология – это есть не наука, а нечто значительно большее... Психология – это весь мир, взятый с определенной точки зрения, весь универсум человеческой жизнедеятельности... это особая сфера жизнедеятельности, по сути дела захватывающая весь универсум жизнедеятельности, «весь социум».
- 11.5. «Совершенно очевидно, что такой умный человек, как Георгий Петрович, не просто так, «за зря живешь», критиковал и науку, и психологию в том числе. Цель его была иная – в удержании, удержании в развертывающемся «здесь и теперь» мыследействии специфики и качества его методологической организации. Как её инициатор, организатор и хранитель он был гением в личном древнегреческом значении этого слова – хранителем рода» (Н.Г. Алексеев).
- 11.6. Г.П. Щедровицкий, по нашему субъективному мнению, конечно же философ. Философ изначально. Но поддавшийся идеологическому соблазну – властвовать умами в форме безусловного, тоталитарного варианта. Философ, назвавший себя методологом, чтобы провести резкую грань между собой и иными философами. Если выразиться точнее и образнее: в XX веке в России было два философа-идеолога, обладавших исключительной проницательностью и предельной целеустремленностью: Владимир Ильич Ульянов (Ленин) и Георгий Петрович Щедровицкий. Первый создал партию большевиков, победившую в революции и гражданской войне, и во многом предопределившую ход мировой истории в XX веке. Второй – создал методологию, как учение, идеологию и своего рода «религию XXI века». Первый оставил после себя тысячи последователей – «ленинцев». Второй – оставил после себя тысячи последователей – «методологов-щедровичан», которые во многом определяют идеологию современной России и пытаются строить новую геополитику. Понятно, как и «ленинцы», так и «щедровичане», сильно различаются уровнем интеллектуального развития и степенями волевой амбициозности. Но

философская методология Г.П. Щедровицкого ориентирована на то, чтобы быть единственно верной и всех-подавляющей, что всегда демонстрировалось в 80-90 гг. прошлого века в процессе проведения многочисленных ОДИ. Использование разработанной и хорошо оснащенной в интеллектуально-технологическом плане методологии для целей манипулирования аудиторией, и создание плеяды фанатичных последователей – это, конечно, уже не философия, а социальная технология (точнее, идеология нового поколения), давшая обильные плоды на ниве с плодородной философской почвой.

- 11.7. Развитие онтологических и логико-гносеологических концепций и модификаций философского характера, инициированных Г.П. Щедровицким в чисто философском плане выглядит менее эффективно и плодотворно, чем разработка системо-мыследеятельности (СМД) и организационно-деятельностных игр, т.е. собственно методологической идеологии с её практическими приложениями.

Глава 12. Мераб Мамардашвили. Феноменолог формы и сознания.

- 12.1. Мераб Константинович Мамардашвили (1930-1990). Грузинский, советский и российский философ. По менталитету – с безусловно грузинской доминантой и тяготевший быть европейским философом, но в силу обстоятельств, выросший в русско-советской философской традиции. В 50-е годы XX века входил в круг молодых философов, наряду с Г. Щедровицким и А. Зиновьевым, но выбрал свой путь более тяготеющий к европейской философской традиции. В 1974 году был уволен по идеологическим причинам с должности заместителя главного редактора журнала «Вопросы философии». Философская и публично-просветительская деятельность М. Мамардашвили сыграли важную роль становлении независимой философской мысли в СССР.

- 12.2. Определения философии у М. Мамардашвили отличались оригинальностью и многозначностью, порой на грани неуловимости для

обыденной рациональной логики. «Философия не может никому сообщить никакой суммы и системы знаний, потому что она просто не содержит её, не является ею... Говоря о философии, мы имеем дело с самой мыслью, с работой мысли, что ею выполняется нечто, без чего человека не было бы. То есть философия тоже оказывается способом его самосозидания... Философия потому и важна, что она имеет какое-то отношение не просто к нашим представлениям о мире, а глубокую связь с самим фактом существования человека».

12.3. Сквозная тема философии М. Мамардашвили – феномен сознания и его значение для становления человека, культуры, познания. Мамардашвили рассматривал человека как некоторую возможность или потенциальность самоосуществления.

12.4. Форма, по Мамардашвили, это порождающая конструкция мыслей, смыслов, переживаний человеческого состояния вообще. Это своеобразная искусственная приставка к естественной способности человека и «машина», производящая предельные человеческие состояния.

12.5. «Нужно построить машину переживания, и тогда она катарсисно (как разъяснит трагедия) выявит завершённый смысл. Поэтому и античная трагедия всегда есть способ завершения смыслов, которые эмпирически завершить нельзя. Нельзя все знать, нельзя везде быть... И философия всегда занималась такой машинерией. Пыталась создать конструкцию, которая сама что-то сделает, потому что человек сам не все может...».

12.6. Философию Мамардашвили полагал принципиально открытой культурной формой, в которой происходит экспериментирование с самыми предельными формами и условиями мнимости в едином поле философии, посредством философских актов, реализующих определенную мысленную неизбежность.

12.7. «Проблемой мы называем и должны называть нечто, что поддается решению конечным числом мысленных шагов. А все, что называется в философии «проблемой» является ею в том смысле слова, что это не есть

предмет решения каким-либо обозримым числом шагов, а есть наше возобновляющееся участие в бытии, которое может продумываться только каждый раз заново, и тогда оно будет совершаться. Нет ничего такого, что можно было бы раз и навсегда принять как правило. И потому философия будет вечно жить и говорить, казалось бы, об одном и том же».

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Н.Г. Культурное значение методологии / Н.Г. Алексеев // Вопросы методологии. 1997. – 3-4. – С. 76-77.
  2. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). - М.: Книга, 1991. – 446 с.
  3. Винобер А.В. Системо-мыследеятельностная технология (СМД): Философия или идеология?: Философско-психологический трактат / А.В. Винобер // Вестник Института развития ноосферы/ 2019. – 1(3). – С. 95-117.
  4. Мамардашвили М.К. Необходимость себя / Лекции. Статьи. Философские заметки / Под общ. ред. Ю.П. Сенокосова. – М.: Лабиринт, 1996. – 432 с.
  5. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. - 896 с.
  6. Редлих Р. Солидарность и свобода. – М.: Посев, 1984. – 340 с.
  7. Соловьев В.С. Право и нравственность. - М.: АСТ; Минск: Харвест, 2001. – 147 с.
  8. Щедровицкий Г.П. Методологическая организация сферы психологии / Г.П. Щедровицкий // Вопросы методологии. 1997. – 1-2. – С.108-127.
-

A.V. Vinober

«Siberia Land Congress» Biosphere and Agriculture Economies Support and Development Fund, Irkutsk, Russia

12 PERSONS OF RUSSIAN PHILOSOPHY (SECOND GALLERY): HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL TRACTATE

This article is the publication of the above-mentioned historical and philosophical tractate. The structure of the tractate consists of an introduction and 12 chapters. Each Chapter includes seven postulates. The text of the tractate is a sample fragments of the philosophical heritage of 12 persons of russian philosophy and the author's comments to them (the choice of persons and fragments is subjective and situational): P. Ya. Chaadaev, P. A. Kropotkin, V. S. Solovyov, L. I. Shestov, L. I. Petrazhitzky, N. Oh. Lossky, S. Bulgakov, N. A. Berdyaev, S. L. Frank, A. F. Losev, G. P. Schedrovitsky, M. K. Mamardashvili.

Key words: persons of russian philosophy, historical and philosophical tractate, history of philosophy.

Поступила в редакцию 25 июня 2019

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Вестник Института развития ноосферы – электронный ежемесячный журнал, конгломерат, включающий публикацию отдельных и периодических статей, публикацию рукописей монографий и трактатов, реферативных обзоров, отдельных заметок, идей и предложений научно-практического характера.

Рубрики

1. Теория и практика развития ноосферы
2. Философия и методология антропологии
3. Социальная философия
4. Биосферное хозяйство и проблемы природопользования
5. Социально-экологический анализ и прогнозирование
6. Палеопсихология и психоистория
7. Социальная психология
8. Исторические и футурологические исследования
9. История наук

Периодичность выхода: ежемесячно

Прием статей – до 15 числа каждого месяца.

Выпуск – последний день месяца.

Страница журнала <http://biosphere-sib.ru/scientific-practical-journals/Bulletin-of-Institute-of-development-noosphere.php>

Правила оформления статей <http://biosphere-sib.ru/scientific-practical-journals/pravila.php>

Фонд поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора «Сибирский земельный конгресс» - некоммерческая неправительственная организация, созданная в 2008 г.

Контакты:

e-mail: congress@biosphere-sib.ru

тел. 8914-912-47-11 сайт:

www.biosphere-sib.ru

Соц. сети: https://vk.com/virtual_school_of_rural_tourism